«ПОЧЕМУ ВИНОВАТЫ ВСЕГДА ЛЮДИ?»

УВОЛЕННЫЙ ЗА ПОДДЕРЖКУ БЕЛОРУСОВ ВИЦЕ-МЭР ЯЛТЫ — О НАСИЛИИ, ПРОПАГАНДЕ И ВОЛЕ НАРОДА

страницы 2—3

понедельник среда пятница
НОВАЯ ГАЗЕТА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
№ 106 (3116) 28.09.2020 г.

ТОТАЛЬНЫЙ ДИСТАН

РОССИЙСКИЕ ШКОЛЫ И ВУЗЫ ВНОВЬ ПЕРЕХОДЯТ НА ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ. ТАКОЙ «ЭПИДЕМИИ ОРВИ» СТРАНА ЕЩЕ НЕ ВИДЕЛА

ИССЛЕДОВАНИЕ «СИНДИКАТА-100» И «НОВОЙ ГАЗЕТЫ»

страницы 5—7

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

4630001410018 20106

ЕСТЬ КОМАНДА ВЫРУБИТЬ ТОК!

Фестиваль в поддержку белорусов стал проблемой для российской власти

Иван Гуськов, Александр Елин (группа «Раббфак»), Кирилл Медведев (группа «Аркадий Коц»)

Анна ЖАВОРОНКОВА — «Новая»

Пока в Беларуси протестующих разгоняют водометами, в Москве своя драма. Не такая масштабная, но по тому же поводу. Две недели назад мы с друзьями затеяли концерт под названием «Партизан-фест». Хотели продемонстрировать, что не все артисты у нас такие, как Киркоров и Басков. Собрать денег в помощь пострадавшим. И просто показать, что нам не нравится, когда людей сажают в тюрьмы и избивают на улице. А кому это может нравиться?

Поначалу все шло прекрасно. Билеты улетают со свистом, в комментариях восторги и благодарности. И лайнап потрясающий: Макаревич, Кортнев, Ромарио, Спирин из «Тараканов!», Шаов, «Аркадий Коц», «Рабфак» и много-много других.

Как только мы завели в фейсбуке страницу «Партизан-фест», мне в личку стали десятками писать музыканты: тоже хотим сыграть. Мы даже не успели толком отрекламировать фестиваль, информация разошлась сама. Происходящее в Беларуси проняло даже тех, кто всю жизнь говорил: политика фу, мы в эту гадость не впишемся. Даже заядлых любителей Путина. Вот парадокс, Путина они любят, а Лукашенко нет. Это то, чего не поняли наши власти: белорусские протесты направлены не против России. Надо постараться, предпринять колоссальные усилия, чтобы направить их в эту сторону.

Чуть больше суток длились продажи. А потом на клуб надавили, и нам, как говорится, отказали от дома. Я не виню в этом администрацию клуба, поскольку знаю, в каких невыносимых условиях работают концертные площадки. Они полностью во власти налоговиков, управ, пожарных, санэпидстанций, силовиков. Одно неловкое движение — и ты уже больше не клуб.

Более того, известно, что при многих клубах работает институт кураторов. Куратор — человек в погонах, который при необходимости разрулит твои проблемы, но с ним стоит посоветоваться, прежде чем приглашать спорного артиста или фестиваль со спорным посылом. Иногда дают добро, иногда нет, но посоветоваться имеет смысл в любом случае.

Мы обзвонили много площадок, не скажу, что все, десятка два — это точно. Причины отказа были разные, но ни один не сказал: «Ребята, приезжайте, я помогу». Оказавшись в безвыходной ситуации, решили перевести фестиваль в онлайн-формат и хотя бы так провести единственную в России музыкальную акцию в поддержку белорусов. Но стоило нам объявить об этом, как моему партнеру, продюсеру группы «Раббфак» Александру Елину, позвонили и сказали буквально следующее:

«Есть команда не допустить мероприятия — минированием и МЧС, просто ментами и как угодно. Проследят, с кем ты договорился, или приедут через полчаса после начала и просто отрубят ток или сеть».

Ясно, что нас запугивают, но я искренне не понимаю, в чем смысл. Зачем запугивать людей, которые озабочены тем, что происходит в ДРУГОЙ стране? Это ведь не фестиваль за Навального, за честные выборы или против коррупции. Тема концерта к нашим властям отношения не имеет, о России — ни слова. А, нет, есть все-таки одна фраза на странице мероприятия: «Мы не хотим, чтобы так было в Беларуси, не хотим, чтобы так было в России». А мы хотим? С каких пор Лукашенко — это псевдоним Путина?

Да и антилукашенковской эту акцию назвать трудно — никто из нас не призывал к вооруженному восстанию против Александра Григорьевича. Да, нам не нравится насилие, которое развязали белорусские власти. Но главная причина в другом: нельзя бросать людей в тяжелой ситуации, им надо помочь. Я не хотел бы, чтоб меня все бросили, когда близкие сидят в тюрьме, когда я лишился работы, когда меня избили на улице. Чтобы так не случилось, и надо проявлять солидарность. Денег собрать, сказать волшебные слова: «Ребята, мы с вами!» Хотя бы просто посочувствовать тем, кому хуже, чем нам.

Когда все это случилось, у меня зазвонил телефон. Звонил Кортнев. Он сказал всего два слова: «Чем помочь?» Про это и был фестиваль.

Преследуя нас, добились противоположного результата. Не дали провести локальный концерт в зале на 250 мест, в итоге получили довольно громкий скандал, а фестиваль все равно пройдет — вечером 30 сентября в эфире канала «Дождь». И посмотрят его тысячи людей по всей стране. И выразят поддержку белорусам, как бы это ни было неприятно нашим властям.

Это не конец, это только начало. Нами запланирована целая серия акций. «Партизан-фест» из одиночного концерта превратился в проект. Жалко только, что он полностью оправдывает свое название и нам реально приходится партизанить. Но мы хоть и не белорусы, а справимся.

Ян ШЕНКМАН, «Новая»

24 сентября белорусский портал Tut.by опубликовал видео, на котором назначенный за три дня до этого вице-мэром Ялты бывший председатель Бобруйского и Смолевичского советов Беларуси Михаил Загорцев обращается к белорусским властям и военным с просьбой прекратить насилие в отношении протестующих.

«Я боялся сейчас только одного: умереть и не увидеть Беларусь свободной. Но наши дети — они сделали это. Наши женщины — спасибо им за все огромное. Наше поколение — мы просим прощения за то, что допустили это. Коллеги бывшие! Мэры городов, председатели, еще не поздно не допустить больше никакого кровопролития. Еще не поздно исправиться и идти вместе с народом», — сказал Загорцев. Он также попросил Россию не вмешиваться в ситуацию в Беларуси.

«Мы до сих пор многие не верим, что наши белорусы могут так издеваться над детьми и женщинами. Но если это россияне. <…> Я сказал мэрам [российских] городов-побратимов: не пускайте сюда своих сыновей. Если они придут — поверьте, встанет каждый белорус».

Несмотря на то что само обращение было записано в середине августа, то есть до того, как Загорцев стал чиновником, на следующий день после его публикации с должности заммэра Ялты он был уволен.

В интервью «Новой газете» Михаил Загорцев рассказал, жалеет ли о сказанном на видео, что не так с российским телевидением и каков, на его взгляд, расклад политических сил в Беларуси.

ЕСЛИ БЬЮТ

«Не было бы насилия — не было бы таких протестов»

— Я не понимаю, в чем меня обвиняют. Да, я высказался [по поводу недопустимости насилия в Белоруссии], но это было еще в августе. Я тогда находился на лечении, и мне скинули эти ролики страшные [где запечатлены моменты насилия]. Я почувствовал страшное опустошение — такое, когда ты бессилен что-то сделать.

И меня попросили знакомые: «Ну ты же знаешь всех, знаешь генералов...» Я обратился к ним персонально. Плюс еще боевики, про которых даже президент [Лукашенко] сказал, что они по Беларуси бродят. Прозвучала там [в моем обращении] просьба к россиянам не пускать сюда [силовиков].

В Беларуси [мое обращение] не [показывали] на tyt.by, в СМИ. Я никогда никому интервью не давал. Оно было через соцсети отдельным людям послано, и, в том числе, с генералами мы поговорили. Очень многие тогда выступали [против насилия]. Ну как остановить? Ну словом хоть.

Потом я уехал в Ялту по рекомендации врачей на лечение, я побыл в санатории, мне стало гораздо лучше. А главу администрации Ялты Ивана Имгрунта я знаю (*Ялта и Смолевичи, где загорцев работал главой исполкома, — города-побратимы. —* **Ред.**). Он предложил: тяжело, кадров нет, после Украины развал серьезный в ЖКХ. Я сказал: сколько здоровья будет, я помогу тебе, потому что я профессионал. Я не политик, я никогда не выступал ни в каких делах.

Но когда я приступил [к работе в Ялте], украинский сайт «Миротворец» опубликовал мое досье. Это Украина и местные [крымские] активисты сработали. Это обращение [с требованием меня уволить], оно с Украины. Надо было его подать, чтобы между Россией и Беларусью что-нибудь, хоть какой-то фактик...

И тут понеслось: мне звонят, спрашивают, а у меня удивленные глаза. Я ведь тихо из Беларуси уехал, никто не знал, куда. Я к главе Ялты пришел и говорю: «Я заявление напишу, я не хочу никаких шумных эпопей». Вот и вся картинка.

— Вы говорите, что были знакомы с Имгрунтом, общались, дружили. Что он сам вас на работу пригласил. И что уволились вы по собственному желанию. Но Имгрунт в прессе говорит, что ваши высказывания и деятельность на посту чиновника не совместимы. Как так вышло?

— Я не знаю, может сверху [надавили]. Скорее всего, пресс-центр [версию предложил]. Я беседовал с одним, объяснял: «Это же было, когда я не работал, не был на госслужбе, а здесь [в Ялте] я никому не давал никаких комментариев».

Мне кажется, это удар по главе. Местным он [Имгрунт] не очень нужен. Глава даже предложил мне: «Оставайся, дам другую работу». Получается, я его подставил.

Я не публичный человек. Я просто сказал: «Давай помогу, мусор научу вас убирать». Но кто-то воспользовался ситуацией. Заявление [против насилия в Беларуси] было в августе, а всплыло, когда я заступил на работу.

— Вы считаете, это травля?

— В течение трех часов, как заступил на должность, я появился на сайте «Миротворец». Ну в чем моя позиция [по Крыму]?

— Мне кажется, претензии «Миротворца» и крымских активистов — это разные вещи. В «Миротворец» вас внесли за то, что вы, будучи гражданином государства, не признающего Крым российским, устроились работать в органы «оккупационной власти» — так говорят о крымской администрации на Украине. Местные же активисты обвинили вас в том, что вы в оппозиции, вы за Майдан.

— У меня не было времени ни с кем беседовать. Я работал с 7 утра до 8 вечера,

Разгром протестов. 23 сентября. Минск. Беларусь

РИА Новости

РЕБЕНКА — Я БУДУ ПРОТИВ

Интервью с бывшим вице-мэром Ялты Михаилом ЗАГОРЦЕВЫМ, уволенным за призыв к белорусским властям остановить насилие

техническую работу исполнял. Поэтому я не знаю, в чем я должен оправдываться. В Беларуси я высказал позицию как отец, как дедушка, который увидел, что детей бьют. Я свою позицию озвучил и больше не участвовал ни в каких мероприятиях, никуда не ходил. Слишком серьезно было у меня подорвано здоровье.

— Ваша позиция за этот месяц по отношению к тому, что происходит на улицах Беларуси, изменилась?

— Не изменилась. И я ее не менял никогда. Но это никак не связано с работой в Ялте.

Если бьют ребенка, женщину, старика, то я как мужчина, который сам уже дедушка, я всегда буду против, я буду защищать. Как у нормального человека может быть другая позиция?

— А какова ваша позиция по поводу инаугурации Лукашенко?

— У меня в Ялте интернета не было. Мне только передали, что она были малочисленная...

— Тайная

— Или тайная. Как к этому можно относиться? Даже если у тебя 50 процентов или 60, народ все равно должен быть официальный. Поэтому я не понимаю происходящего. Мои дети мне сказали: «Папа, ничего не смотри, ничего не включай». Я не включал ни Сети, ничего, мне только что-то передавали.

— Вы верите в результаты, которые озвучил белорусский ЦИК официально?

— Конечно нет. Хоть не ходил голосовать, я находился на лечении, я сомневаюсь в этих цифрах.

— А на ваш субъективный взгляд — примерно какой расклад сил?

— Сложно сказать. Я не находился в стране во время выборов, новости узнавал только по телефону... Но точно не такие цифры. Может, 50 на 50 или 60 на 40 в любую сторону, но не такие. Ряд участков, которые все же показали свои протоколы, — там другие цифры.

> ПОЧЕМУ ВИНОВАТЫ ВСЕГДА ЛЮДИ? ЭТО ЖЕ КАК В СЕМЬЕ. НЕЛЬЗЯ ЖЕ РЕБЕНКА ВОСПИТЫВАТЬ ВСЕ ВРЕМЯ РЕМНЕМ, НУЖНА ЖЕ ЛАСКА, ПРЯНИКИ, ТОГДА ОН ПОСЛУШАЕТ

Поймите, дело же не в выборах даже. В последние годы в Беларуси зарплаты не росли, закредитовывались крупные предприятия. Экономическая ситуация заходила в тупик. Лукашенко кредиты брал то у России, то на Западе — как Броз Тито в Югославии брал и у тех, и у других. Еще коронавирус наложился.

Кстати, для меня удивительно, в Ялте я пришел на первую планерку в маске, а здесь все спокойно к этому относятся. Я им говорю: «Примите меры. Вы просто не понимаете, что это такое». У нас в Беларуси легковесно отнеслись к этому, теперь повторная волна.

Я думаю, что если бы не было 9–10 августа насилия, то такого всплеска [уличных протестов] бы не было. Любая женщина за своих детей выйдет, чтобы защитить. А когда еще и женщин начали бить, понятно, что дальше будет...

«Российское ТВ говорит обидные вещи»

— Вы высказались против насилия, и вас за эту позицию уволили, а все российские СМИ назвали вас белорусским оппозиционером. Не отомстит ли вам за это Лукашенко?

— За что? Я не призывал к протестам, не ходил на протесты. Но если людей убивают, я всегда буду против. Если они не нарушают закон, если ходят мирные демонстрации... Я знаю своих белорусов, которые за столько дней не сломали ни одну остановку, не разбили ни одного стекла. За собой убирали окурки и мусор. Как можно по-другому себя повести?

Я гражданин Республики Белпрусь, отработал сознательно всю жизнь, работал для людей. Если бы я боялся, я бы поехал в Польшу, Литву или Украину. А я поехал к друзьям в Россию.

Да, я сказал [что против], когда у нас свой ОМОН бил, а они еще российский ОМОН хотели ввести. Но это же было против ОМОНа, а не против россиян. Пока ни одного флага Евросоюза у нас на демонстрации не было.

— Российский народ и российское государство в менталитете граждан тоже давно разделены. Думаю, в России с вами многие согласятся, что ОМОН олицетворяет государство, а не народ.

— Да. Но телевидение, которое мы там смотрели и теперь я посмотрел, что в России показывают о Белоруссии... Это очень обидные вещи.

— Что не так с российским телевидением?

— Я понять не могу, где они взяли этих экспертов? Вот вы едете в Беларусь [искать спикеров], ну возьмите рабочего, ученого, айтишника. Нет, пригласили какого-то политолога, которого я в глаза не видел никогда, — и одинаковые штампы идут про Украину, про Беларусь. Годами слушаешь, можно только названия менять.

Почему виноваты всегда люди? Если с людьми не говорить, не уважать, а еще и обзывать их, то, конечно, реакция будет. Это же как в семье. Нельзя же ребенка воспитывать все время ремнем, нужна же ласка, пряники, тогда он послушает.

— То есть к оппозиции нужно прислушиваться?

— Я слово «оппозиция» не люблю и не понимаю. Почему оппозицией называют тех, кто живет в стране? Это «позиция» людей, нормальная человеческая позиция.

— Вы не жалеете, что тогда, в августе, вам пришлось высказаться?

— Нет. Я жалею, что мне из Ялты надо уезжать. Ялта — в моем сердце, я ее люблю. Пять раз здесь отдыхал. Сейчас не сложилось, но, может, потом сложится.

Екатерина РЕЗНИКОВА —
специально для «Новой»

процесс

«ЖИТЬ — ЭТО ВСЕГДА НЕПРОСТО»

Открытое письмо о деле историка Юрия Дмитриева

Председателю Верховного суда Республики Карелия Анатолию Владимировичу Наквасу

Уважаемый Анатолий Владимирович!

Три с половиной года в судах разных инстанций Республики Карелия рассматривается дело историка и краеведа Юрия Алексеевича Дмитриева, первооткрывателя массовых захоронений жертв сталинских репрессий на территории урочища Сандармох. Это дело, за исходом которого, без преувеличения, следят десятки тысяч самых разных людей в России и во всем мире.

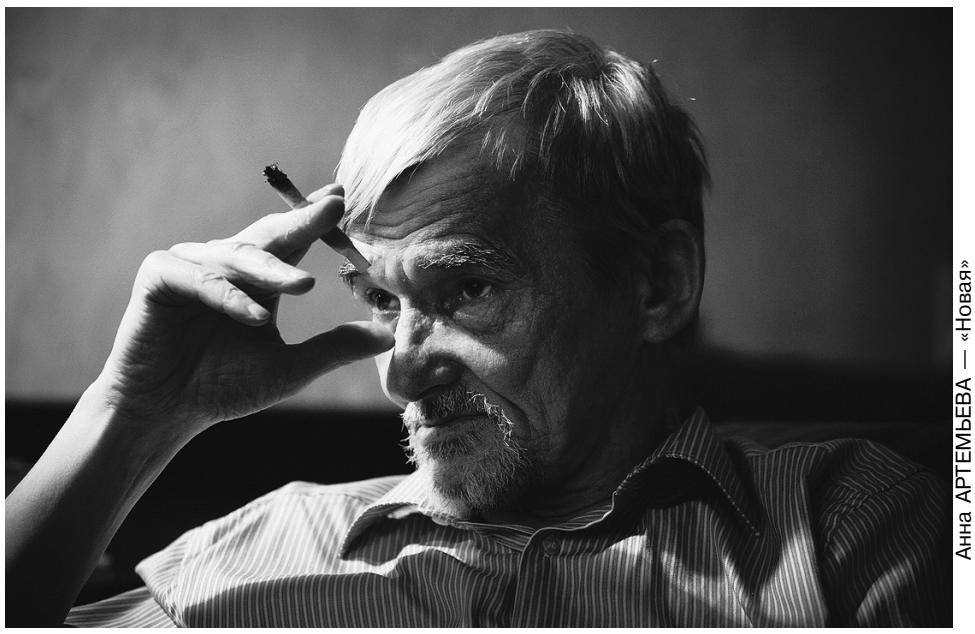
В основу преследования Дмитриева, как мы помним, был положен анонимный донос и некое «письменное мнение» карельского искусствоведа Сергеева, базировавшееся на этом доносе, и на двух фотографиях приемной дочери Дмитриева из его персонального компьютера, неизвестно каким образом попавших в Следственный комитет.

Беззаконность этих действий и абсурдность выдвинутых против историка обвинений в распространении порнографии и развратных действиях в отношении несовершеннолетней приемной дочери поначалу не оставляли сомнений, что у «дела Дмитриева» нет никакой уголовной перспективы и оно будет закрыто. Но делу был дан ход. Предполагаем, что за этим стояли силовые структуры, недовольные гражданской позицией Дмитриева и огромной работой Юрия Алексеевича по увековечению памяти жертв сталинизма.

Несмотря на все оказываемое давление, Петрозаводский городской суд (судья Марина Носова) полностью оправдывает Дмитриева по «нехорошим» статьям, и тогда против него выдвигается новое, гораздо более тяжелое обвинение — совершение насильственных действий сексуального характера в отношении ребенка. Верховный суд Республики Карелия в апелляции отменяет оправдательный приговор и направляет дело на новое рассмотрение.

А дальше происходит невероятное — Петрозаводский городской суд (судья Александр Мерков) вторично оправдывает Дмитриева по тем же самым статьям, а по новому обвинению дает наказание намного ниже нижнего предела, что — мы все это прекрасно понимаем — лишний раз говорит о невиновности Юрия Дмитриева и одновременной невозможности эту невиновность признать из-за беспрецедентного давления на суд тех, кто не может простить историку его исследований ГУЛАГовского прошлого.

Два оправдания по суровым статьям явно показывают, что не было оснований ни для уголовного преследования, ни тем более для содержания под стражей, на котором каждый раз настаивал Верховный суд Республики Карелия. Это позволяет нам считать, что суд был пристрастен тогда и уже просто не сможет вынести справедливое решение сейчас.



Анна АРТЕМЬЕВА — «Новая»

Рассматривает апелляцию судья Алла Раць, ранее дважды продлевавшая Дмитриеву содержание в СИЗО, и все происходящее на этом процессе дает нам повод усомниться в объективности судейства и, более того, предположить, что на судью оказывается давление.

Иначе чем объяснить следующие факты:

Вместо того чтобы дождаться выхода из карантина по коронавирусу постоянного адвоката Дмитриева В.М. Ануфриева, уведомившего суд о невозможности быть на заседании, судья немедленно вводит в процесс адвоката по назначению и определяет тому срок в три рабочих дня для ознакомления с делом.

Можно за три дня ознакомиться с таким бесконечным количеством документов, экспертиз, решений и приговоров?

Конечно, нет.

Должен ли назначенный адвокат встретиться со своим подзащитным?

Не просто должен — обязан. Но он этого так и не делает.

Вот как пишет об этом сам Юрий Алексеевич в письме к друзьям 23 сентября:

«...Я громко и четко, под запись, заявил об отказе от адвоката по назначению. Как и прогнозировалось, мой громкий и четкий отказ был судом проигнорирован. Вечером я его повторил уже в письменном виде.

Моя скромная просьбишка допустить меня в зал заседания лично и очно судом была отвергнута напрочь. Еще одна «слезница» у меня была озвучена — провести медобследование слуха по направлению суда: не всегда и не все слышу и понимаю, что судья в зале озвучивает, процентов сорок уходит мимо. Это не есть хорошо для защиты. Судья вежливо поинтересовалась, есть ли у меня медицинские документы, подтверждающие тугоухость. Нет, говорю. Раз документов нет, в ходатайстве отказать.

Я тут «местный персонал» уже достал с этой проблемой. Принесли дополнительные колонки — не подключаются. Я постоянно переспрашиваю. Судья злится, грозится удалить из зала.

Я каждый раз напоминаю суду, что остался один на один с юридическими вопросами, практически без защиты, — судью это, мягко говоря, раздражает.

Ну что делать? Жить — это всегда непросто».

Скажите, как это вообще возможно, чтобы при заседании по такому важному делу в Верховном суде республики не работал или плохо работал звук, а подсудимый фактически оставался без грамотной защиты?

А как возможно внезапное назначение новой экспертизы фотографий по делу о порнографии, по которому Дмитриев ДВАЖДЫ оправдан? Неужели многочисленные экспертизы в Институте Сербского, специализированной психиатрической больнице в Санкт-Петербурге, доказавшие полное отсутствие «педофильских» мыслей и сексуальных отклонений в поведении Дмитриева, принятые судами первой инстанции, для апелляционного суда — звук пустой? Так же как пустым звуком оказываются мнения специалистов по фотографии, среди которых были сотрудники Государственного Эрмитажа, кандидаты и доктора наук, не увидевшие в снимках ничего порнографического?

Опасаясь необъективности Верховного суда Республики Карелия по делу Юрия Дмитриева, просим Вас, Анатолий Владимирович, передать это дело на рассмотрение суда любой другой области, республики или края Российской Федерации.

А тем, кто все это грязное дело затеял, мы бы хотели сказать только одно: можно сломать жизнь историку Дмитриеву, его приемной дочери, всем его близким, но невозможно уничтожить или изъять из оборота историческую правду.

Она выживет при любых обстоятельствах и напомнит о себе.

Академики РАН: Евгений Александров, Ефим Хазанов. **Члены-корреспонденты РАН:** Александр Белавин, Елизавета Бонч-Осмоловская, Михаил Глазов, Аскольд Иванчик, Александр Кабанов, Федор Успенский. **Научные работники:** Георгий Базыкин , Алексей Иванов, Сергей Зенкин, Татьяна Кондратьева, Ярослав Кудрявцев, Мария Майофис, Ирина Насимова, Даниил Наумов, Дарья Новгородова, Алла Ратыни, Жанна Резникова, Андрей Ростовцев, Алексей Семенов, Михаил Тамм, Михаил Фейгельман, Андрей Цатурян, Искэндэр Ясавеев, Владислав Аксенов, Владимир Ананич, Ирина Антипова, Анна Бойкова, Андрей Гуськов, Дмитрий Рыбаков, Сергей Дмитриев, Ирина Кравцова, Вадим Лурье, Николай Эппле. **Правозащитники:** Лев Пономарев, Наталья Таубина, Валерий Борщев, Вячеслав Бахмин, Дмитрий Макаров, Светлана Астраханцева, Игорь Каляпин, Светлана Ганнушкина. **Политики, партия «Яблоко»:** Борис Вишневский, Николай Рыбаков, Эмилия Слабунова, Лев Шлосберг, Григорий Явлинский. **Руководитель проекта «Сандармох. Возвращение имен»** Максим Лялин. **Руководитель центра «Возвращенные имена» при РНБ** Анатолий Разумов. **Священнослужители:** Отец Алексей Уминский, Отец Григорий Михнов-Вайтенко. **Кинематографисты:** Вадим Абдрашитов, Любовь Аркус, Екатерина Бойкова, Гарри Бардин, Степан Бирюков, Константин Бронзит, Антон Долин, Олег Дорман, Андрей Звягинцев, Светлана Зимина, Ирина Литманович, Андрей Хржановский, Иван Максимов, Виктор Матизен, Юрий Норштейн, Глеб Панфилов, Андрей Плахов, Наталья Рысс, Наталия Савоськина, Андрей Смирнов, Александр Сокуров, Михаил Тумеля, Елена Якович, Иосиф Райхельгауз. **Президент Русского общественного фонда Александра Солженицына** Наталия Солженицына. **Издатели:** Ирина Балахонова, Варвара Горностаева, Андрей Збарский, Ирина Прохорова. **Актеры:** Лия Ахеджакова, Олег Басилашвили, Анатолий Белый, Филипп Горенштейн, Александр Збруев, Константин Райкин, Ксения Раппопорт, Вениамин Смехов, Алика Смехова, Наталья Тенякова, Александр Филиппенко, Константин Хабенский, Инна Чурикова, Дарья Юрская. **Композитор** Александр Маноцков. **Директор фонда Иофе** Ирина Флиге. **Журналисты:** Надежда Ажгихина, Леонид Никитинский, Вадим Кантор, Екатерина Барабаш, Кристина Горелик, Наталия Демина, Виктория Ивлева, Ксения Ларина, Леонид Никитинский, Сергей Пархоменко, Григорий Пасько, Дмитрий Петров, Николай Подосокорский, Владимир Познер, Екатерина Пригорева, Зоя Светова, Людмила Телень, Мария Терещенко, Михаил Шевелев, Анна и Глеб Яровые. **Историки:** Сесиль Вессье *(Франция)*, Михаил Кром, Иван Курилла, Владислав и Евгения Назаровы, Борис Соколов, Никита Соколов, Олег Хлевнюк. **Правозащитный центр «Мемориал»:** Олег Орлов, Ян Рачинский, Александр Черкасов. **Литераторы:** Александр Архангельский, Дмитрий Бавильский, Елена Баевская, Леонид Бахнов, Андрей Бильжо, Марина Бородицкая, Алла Боссарт, Ольга Бухина, Ольга Варшавер, Дмитрий Веденяпин, Алина Витухновская, Марина Вишневецкая, Дмитрий Глуховский, Мария Галина, Сергей Гандлевский, Алиса Ганиева, Александр Гельман, Алла Гербер, Наталья Громова, Юлий Гуголев, Денис Драгунский, Ольга Дробот, Евгений Ермолин, Георгий Ефремов, Виктор Есипов, Наталья Иванова, Игорь Иртеньев, Геннадий Калашников, Дмитрий Карельский, Нина Катерли, Юлий Ким, Николай Кононов, Ирина Кравцова, Григорий Кружков, Сергей Кузнецов, Олег Лекманов, Александр Ливергант, Мария Людковская, Наталья Мавлевич, Лариса Миллер, Владимир Мощенко, Максим Осипов, Светлана Панич, Лев Рубинштейн, Мария Рыбакова, Ольга Седакова, Вячеслав Середа, Наталья Сивохина, Наталия Соколовская, Татьяна Сотникова, Владимир Сотников, Ирина Стаф, Дмитрий Стахов, Любовь Сумм, Ирина Сурат, Лев Тимофеев, Людмила Улицкая, Мария Фаликман, Елена Фанайлова, Виктор Шендерович, Аркадий Штыпель, Татьяна Щербина, Сергей Яковлев

Полный список подписавших обращение — на сайте «Новой»

РИА Новости

Российские школы и вузы вновь переходят на дистанционное обучение. Такой «эпидемии ОРВИ» страна еще не видела

ТОТАЛЬНЫЙ ДИСТАНТ

В возвращение с 1 сентября к «традиционному очному формату обучения» привело к традиционному результату. У сотен школьников и студентов в стране выявлен коронавирус.

Не сказать, что об этом не предупреждали. Предупреждали, да не у нас. В интервью «Правмиру» завотделением иммунотерапии израильского госпиталя «Хадаса» Полина Степенски говорила: «Я думаю, что после возвращения детей к занятиям в школах будет всплеск заболеваемости ковидом. Мы знаем, что дети переносят коронавирус хорошо, при этом у них часто нет никаких клинических признаков. То есть они могут быть заражены, но об этом никто не будет знать. Поэтому, как только они вернутся в школы, начнется рост заболеваемости».

Израиль в итоге решил возвращать школьников за парты по сложной схеме: младшие классы — на пять дней в неделю, а средние и старшие — на два дня в неделю с дистанционным обучением в оставшиеся дни. Кроме того, классы разделили на группы по 18 человек — для сокращения контактов. В Испании пошли другим путем, но тоже осторожничали: решение оставили за регионами.

Российские дети вышли на учебу «в едином порыве». Разумеется, не без напутствий Роспотребнадзора: дезинфицировать помещения во время перемен, закрепить за каждым классом отдельный кабинет, запретить массовые мероприятия. Руководитель московского управления Роспотребнадзора Елена Андреева заявляла: «Исследуя популяционный иммунитет, мы считаем, что ни студенты, ни школьники нам не должны дать резкого роста именно заболеваний. Мы можем выявлять у них заболевание по тестам, но именно как клинического проявления болезни, мы считаем, скорее всего, резкого подъема не произойдет».

К концу сентября становится понятно — что-то пошло не так.

Тревожная картина складывается в Бурятии: здесь COVID-19 диагностирован у 140 учеников. Еще 1432 школьника отправлены на карантин. На дистанционное обучение полностью переведены 4 школы республики, в 35 удаленка введена в отдельных классах.

В Чите из-за коронавируса от учебы отстранены 623 ученика, на карантин закрыты 25 классов в 16 школах.

В Башкирии уже к 11 сентября на дистанционное обучение из-за заболевания коронавирусом и контактов с больными были отправлены 323 школьника. А 23 сентября глава Бурзянского района Газиз Манапов объявил о переводе всех районных школ на дистант.

Не отстают и вузы: Ярославский государственный театральный институт, Рязанский государственный университет, Балтийский федеральный университет имени Канта — полностью или частично перешли на «удаленку».

Тенденция — очевидна.

Причем коронавирус, если верить официальным заявлениям, далеко не единственная причина введения масштабных карантинов. В той же Бурятии 431 школьник помещен под наблюдение в связи с заболеванием ОРВИ. В Рязани из-за коронавируса на дистанционное обучение переведены шесть классов в пяти школах, а из-за ОРВИ — куда больше: 82 класса в 29 школах.

Корреспонденты изданий «Синдиката-100» рассказывают, как и из-за каких болезней российские школьники и студенты возвращаются к «нетрадиционной» удаленной форме обучения.

Иван ЖИЛИН, «Новая»

Свердловская область

В Екатеринбурге более пяти тысяч школьников из 207 классов переведены на дистанционное обучение из-за ОРВИ и коронавируса. Об этом 21 сентября написали региональные СМИ со ссылкой на Департамент образования Екатеринбурга.

23 класса в 14 школах Екатеринбурга переведены на дистанционку из-за эпидемии коронавируса и еще 175 классов в 58 школах — в связи с сезонными вспышками ОРВИ.

Также имеются сведения, что закрыты 4 группы в четырех детских садах.

22 сентября заместитель губернатора региона Павел Креков на официальном брифинге по итогам оперативного штаба по предупреждению распространения коронавирусной инфекции подчеркнул, что большинство карантинов все же связано не с ковидной инфекцией, а с ОРВИ.

— Моего сына перевели на дистант, — рассказывает родитель одного из школьников Денис Порубов. — Но это даже близко не ковид, симптомы не те. Просто одна девочка приехала из Крыма и привезла какое-то злое ОРВИ. А так как все дети без масок и родители их выпинывают в школу с соплями, кашлем и температурой, то в классе заболело в итоге 18 человек из 26.

На брифинге 22 сентября Павел Креков также подчеркнул, что речь идет именно об отдельно взятых классах, ни одна из школ не закрыта полностью. Также Креков отметил, что ситуация с распространением коронавируса в регионе не является катастрофической: Свердловская область опустилась на десятое место по числу заражений.

По словам вице-губернатора, большинство детей болеют бессимптомно, при этом лично он не исключает, что часть заболевших ОРВИ могут оказаться заражены коронавирусом.

Сами родители на форумах и в чатах сомневаются в правильной постановке диагноза и сообщают, что тесты на коронавирус делают далеко не всем заболевшим детям:

«Как его [коронавирус] диагностируют вообще у детей? Ребенок с кашлем две недели, анализ никто не предлагает, лечения толком нет (полощите, брыгзайте), выписать в коллектив готовы были еще неделю назад. В итоге сами пойдем сдавать, за свои деньги», — пишут пользователи родительского портала U-mama.

— Один из учеников заболел прямо в школе, — рассказывает репетитор Сергей Зыков. — Резко поднялась температура, позвонили родителям, чтобы забрали ребенка. Ребенок уже поправился, но тест ему так и не сделали.

Паблик «Типичный Екатеринбург» сообщает, что в общежитии УрФУ в здании на Коминтерна изолировали целый этаж на карантин по коронавирусу. Кроме того, ранее на изоляцию попали студенты Свердловского колледжа искусств и культуры.

По словам преподавателя УрФУ Дмитрия Трынова, на полную дистанционку в вузе пока переведены только две группы. Университет работает в смешанном режиме: все лекции идут онлайн, а семинары — очно, но только в том случае, если количество участников позволяет их рассаживать в соответствии с дистанцией.

Издание Znak.com со ссылкой на губернатора Свердловской области Евгения Куйвашева разъясняет, что учебные заведения будут переводить полностью на дистанционное обучение, если заболеют одновременно 25% детей и взрослых. Но для закрытия отдельного класса или группы достаточно одного случая.

Елена ШУКАЕВА

Продолжение —
СТРАНИЦЫ 6-7 ⇨

⇦ СТРАНИЦА 5

ТОТАЛЬНЫЙ ДИСТАНТ

Качканар

На 22 сентября в Качканаре, по информации начальника Управления образования Марины Мальцевой, на карантин по ОРВИ закрыт класс в школе имени Новикова, группы в детских садах «Улыбка» и «Чебурашка».

В детском саду «Ладушки» действует карантин по COVID-19. На дистанционном обучении находятся пять классов лицея № 6 и один класс и две подгруппы в школе № 7.

Учреждения дополнительного образования, по словам начальника УО, открылись в полном объеме. Пока о закрытии детских садов или о переводе школ на дистанционное обучение в Качканаре речи не идет.

— Работаем в штатном режиме и надеемся, что все будет хорошо, — говорит Марина Мальцева.

— Мой сын уже вторую неделю учится дистанционно, класс высажен на карантин в связи с тем, что заболела учительница, — рассказывает мама одного из учеников. — На прошлой неделе у всех детей взяли кровь на коронавирус. О результатах анализов нам пока еще неизвестно. Обещают, что как только придут результаты, дети отправятся в школу, при условии отрицательных анализов. А вообще такая тенденция, что именно учителя больше заболевают, чем дети. И в детском саду, куда вожу младшего ребенка, тоже на слуху, что педагоги уходят на больничный. Большой всплеск волны коронавируса в городе совпал с началом учебного года.

По данным на 23 сентября, в Качканаре на 40 тысяч человек населения 156 подтвержденных случаев COVID-19.

Юлия КРАВЦОВА

Тюменская и Курганская обл.

Перед началом учебного года в тюменских и курганских СМИ прокатилась волна предупреждений: если ситуация с распространением коронавируса будет развиваться по негативному сценарию, возможен перевод на «удаленку». В школах линейки прошли только для 1-го и 11-го классов, потоки учеников разделяют, общение между классами минимизируют, а на входе разместили антисептики и измеряют температуру.

Несмотря на превентивные меры, каждый день растет число заражений, а целые классы закрывают на карантин. По официальной версии — из-за ОРВИ.

Информацией о количестве классов в школах и вузах, закрытых на карантин в Тюмени и Тюменской области, на горячей линии по вопросам коронавирусной инфекции не располагают. В Департаменте образования Тюменской области «Новой газете» отказались оперативно представить данную информацию, попросив направить официальный запрос. В Роспотребнадзоре также заявили, что информацией не располагают.

По состоянию на 22 сентября по ОРВИ в Тюменской области закрыты три школы, две из которых являются малокомплектными. Также закрыта одна дошкольная группа. В 89 школах частично закрыты классы, на дистанционное обучение переведены 8% детей от общего числа обучающихся. Очный образовательный процесс приостановлен в трех классах, сообщает Агентство «ФедералПресс».

Регистрировать новые случаи COVID-19 у учащихся начали с сентября. Оперативный штаб представлял информацию о том, что случаи заражения произошли не в стенах школ и вузов, а дома. Контактных детей от занятий не отстраняли и на дистанционное обучение не переводили.

На карантин при выявлении коронавируса классы уходят выборочно: какие-то отправляют на дистант, какие-то оставляют на очном обучении.

У родителей вызывают вопросы не только избирательный процесс ухода на карантин, но и процесс попадания в школы и вузы: на входах для измерения температуры скапливается очень много учащихся — небезопасно.

«В условиях неизвестности, когда все постоянно изменяется, уверенности в завтрашнем дне нет ни у кого. Конечно, преимущества очного обучения перед заочным очевидны: дети общаются, играют, контактируют с учителями, проходят интерактивный режим обучения. Когда в апреле приостановили учебный процесс, к дистанционке не был готов ни преподавательский состав, ни сами дети. Сейчас в регионе постепенно снимают ограничения, но заболевание есть, и его игнорировать нельзя, никто из родителей не верит в официальные версии ОРВИ. Чтобы сотни классов закрывали на карантин по ОРВИ — никогда такого не было», — рассказала «Новой газете» Татьяна Олешко.

Тюменские чиновники в настоящий момент не рассматривают вопрос о введении режима самоизоляции, в регионе продлен режим повышенной готовности.

«В регионе за последние две недели отмечается рост преимущественно за счет взрослого населения — от 50 до 59 случаев коронавирусной инфекции. Среди детей с начала сентября заболеваемость ниже в сравнении с аналогичным периодом прошлого месяца на 23%», — сообщила руководитель Управления Роспотребнадзора по Тюменской области Галина Шарухо.

В Курганской области на карантине находятся отдельные классы в 17 школах и группы в 3 детских садах. Учеников перевели на дистанционное обучение. Региональный оперштаб сообщает, что причиной карантина стала сезонная вспышка ОРВИ. До начала учебного года оперштаб активно информировал о необходимости привить себя и детей от гриппа (взрослых платно, детей по ОМС), чтобы избежать микст-инфекции (коронавирус, грипп, ОРВИ в одном организме). Микст-инфекции представляют смертельную опасность и для детей.

На отдаленных сельских территориях проблемы с обучением детей еще серьезней: у многих попросту нет ни компьютера, ни мобильного телефона, ни планшета для обучения на дому — бедность. А коронавирус не смотрит в кошелек.

В Департаменте образования Курганской области сообщили, что переход всех школ на дистанционное обучение не планируется, но последнее слово остается за оперштабом. Ежедневно в регионе регистрируется до 30 новых случаев COVID-19.

Юлия БАТАЛОВА

Омская область

По данным Министерства образования Омской области на 22 сентября, из-за коронавирусной инфекции на карантин закрыты три сельских школы — Березовская основная Марьяновского района, Петровская Тевризского района и Юрьевская Кормиловского района. По этой же причине не работает детский сад № 245 в Омске.

Из-за COVID-19 на «дистанционку» перевели по одному классу в школе № 83 и в гимназии № 62.

Судя по данным областного правительства, омские школьники рискуют заразиться не столько коронавирусом, сколько обыкновенным ОРВИ: именно из-за этой инфекции закрылись, по официальной информации, «классы в 69 образовательных организациях» — городских и сельских, а также полностью — Великорусская школа в Калачинском районе.

Областной Роспотребнадзор, однако, предупреждает, что нынешняя ОРВИ может быть не такой уж и тривиальной: «ежедневный мониторинг ситуации», по сообщению ведомства, показывает, что «в этом году ОРВИ и грипп могут смешиваться во внешней среде на фоне коронавирусной эпидемии». Человеку без медицинского образования трудно понять значение этого смешения, но ясно, что ничего хорошего оно не сулит. Тем более что надзорный орган ждет «период эпидемического подъема заболеваемости гриппом и ОРВИ с особой тревогой», потому что «главной особенностью грядущего эпидемического сезона может стать микст-инфекция: одновременная циркуляция гриппа и коронавируса». Охват же населения профилактическими прививками против гриппа составляет на данный момент 22,8%.

Омское отделение «Альянса врачей» в столь широкое распространение пресловутого ОРВИ по региону не верит: по многим признакам, утверждают медики, под ним может скрываться коронавирус.

«Очень многие школьники начали болеть сразу после 1 сентября, — пишут представители независимого профсоюза в Telegram. — Заболевание протекает по типу вирусной инфекции: воспаленное горло, заложен нос, температура 37,5–37,8 °С: то спускается до нормальных величин, то снова поднимается. К пятому дню заболевания присоединяется кашель, с проводными хрипами по всей поверхности легких, с обильным отхождением мокроты. Но врачи уверяют родителей, что все это — обычная вирусная инфекция. На опасения их отвечают, что если это коронавирус, то у детей он не вызывает осложнений. Если у ребенка возьмут анализ на COVID-19, что крайне редко бывает, то результат обязательно будет отрицательным, МСКТ детям в городе практически не делают. <...> Заболевание, вызванное обычными, привычными нам вирусами, держится 7 дней, и при вовремя начатом лечении сходит на нет, температура тела поднимается только в первые несколько дней болезни. Здесь же симптомы в большей мере нарастают к 5–7-му дню заболевания. Температура то есть, то нет: то она поднимается утром, то вечером, то днем». Все это, по мнению лидера омского отделения «Альянса врачей» Ольги Беловой, медика с 36-летним стажем, свидетельствует о том, что диагноз «коронавирус» для «улучшения статистики» подменяется ОРВИ.

Впрочем, и статистика заболеваний омичей COVID-19, по данным оперативного штаба, стремительно идет в рост. Цифры последних дней (16–23 сентября) — 34, 48, 59, 69, 73...

Георгий БОРОДЯНСКИЙ

Крым и Севастополь

В переполненном туристами Крыму наблюдается значительный рост заболева-

День знаний в Новосибирске

Кирилл КУХМАРЬ / ТАСС

емости коронавирусом. Последний месяц в республике ежедневно заболевают от 50 до 80 человек, в целом зафиксировано более 4000 случаев инфицирования.

Больницы переполнены настолько, что 23 сентября СМИ сообщили: два человека с подозрением на COVID-19 умерло из-за того, что их отказались госпитализировать. Одной из погибших стала учитель гимназии № 1 Симферополя Светлана Химич, которой, несмотря на поражение 75% легких, скорая и участковый врач несколько раз отказывали в больничной койке, ссылаясь на отсутствие мест. На заседании оперативного штаба региональные власти признали проблему, и, по обыкновению, глава республики Сергей Аксенов призвал наказать виновных и решить проблему.

В соседнем, более компактном Севастополе тоже наблюдается стремительный рост числа инфицированных — в среднем от 20 человек в день.

Власти обоих регионов уверяют, что никаких ограничений, как весной, вводить не планируется. Тем не менее в Севастополе уже вернули штрафы за нарушение масочного режима. В Крыму на заседании оперативного штаба замглавы республиканского минобразования Валентина Бойко также сообщила, что массового дистанционного обучения не будет: сегодня на карантин точечно отправляют только некоторые классы, а также некоторые детские сады. По состоянию на 22 сентября на карантин отправили один детский сад и две группы в другом дошкольном учреждении.

— В 46 классах и учебных учреждениях дистанционное обучение, два из них — по причине ОРВИ. Болеют больше учителя, а дети, как контактные, возвращаются к учебному процессу, — пояснила замминистра, отметив что контроль за учебным процессом и его организацией возложен на муниципальных властей разных районов Крыма.

Первый проректор Крымского федерального университета (КФУ) Владимир Курьянов рассказал «Новой», что с начала учебного года большая часть лекций с большими группами студентов проходит в дистанционном режиме. Если группы небольшие и есть возможность рассадить студентов, соблюдая социальную дистанцию, очно проводятся лекции, семинары, лабораторные и практические занятия. «Пока мы не видим основания что-то менять», — отметил первый проректор КФУ. При этом количество обучающихся дистанционно он не уточнил.

По словам Курьянова, у университета есть множество инструментов для качественного дистанционного обучения: онлайн-лекции, обучение по Skype, платформа «Модуль», где выкладываются лекционные материалы, задания и преподаватели фиксируют появление студентов, есть чаты, в которых преподаватели консультируют студентов. «Ничего оригинального — пользуемся общедоступными сервисами», — отметил он.

В Севастополе, в отличие от Крыма, где совещания главы региона проходят в онлайн-формате, информация о COVID-19 предоставляется только в виде пресс-релизов и закрытых для широкой общественности совещаний. Ранее власти Севастополя, следуя федеральному тренду, в начале учебного года заявили, что дистанционное обучение вводиться не будет. Глава департамента образования Севастополя Елена Богомолова рассказала «Новой», что все классы и группы детских садов работают в штатном режиме. По словам чиновницы, если и есть контактные дети, то они просто не ходят на занятия, и класс из-за этого на карантин не закрывают, но пока в учебных учреждениях региона очагов заражения зафиксировано не было.

В пресс-службе Севастопольского государственного университета (СевГУ) «Новой» пояснили, что в институте около 60% студентов учится очно, а остальные на дистанционном обучении. Например, в одном из подразделений вуза, Институте общественных наук и международных отношений, третий и четвертый курсы учатся на «удаленке», но и не из-за коронавируса, а из-за ремонта помещений. Также отменены очные большие потоковые лекции: часть студентов их смотрит онлайн. Вспышек заболевания в СевГУ не зафиксировано, был только один контактный случай.

Надежда ИСАЕВА

Саратов

Весной, когда школьники Саратовской области и их родители впервые столкнулись с дистанционным обучением, эта затея мало кому понравилась. Далеко не все школы не были готовы к прогрессу ни морально, ни технически.

— Эффективность и глубина обучения зависели напрямую от учителя, его знаний об интерактиве и готовности быстро трансформировать программы уроков в дистант, — говорит Светлана, мама двоих школьников. — В итоге получилось «кто в лес, кто по дрова». В одних классах были зумы, презентации и онлайн-тесты, а в других выдавали страницы из учебника на самостоятельное изучение. У младшего ребенка был второй вариант. И это не обучение, конечно, ни разу. А у старшего разные учителя выдавали разные формы. Кто-то делал это прогрессивно, а кто-то вообще не делал. Мы с мужем не вмешивались, не помогали без запроса, но при этом еще раз убедились, что школа на годы отстает от реальной жизни.

В основном саратовские родители склоняются к тому, что «дистанционка — зло». Учителя задают много домашки, которую приходится разбирать родителям. К рабочей нагрузке добавляется еще и педагогическая. Учебные материалы рассчитаны на то, что у ребенка есть собственный компьютер. Так что когда мама освобождала свой рабочий компьютер, детские задания оказывались заблокированными. Больше всего родителей волнует то, что детям приходится в два раза больше сидеть за компьютером.

— Телефон–компьютер, компьютер–телефон, какие-то идиотские тесты, гугл, замученный всей семьей, — говорит Елена Темкина. — Причем дочь сама признала, что знаний от этих уроков у нее не прибавилось, зато зрение за четвертую четверть упало на две диоптрии.

У большинства саратовских родителей были обоснованные опасения, что «вторая волна» коронавируса оставит детей без школьной жизни еще как минимум на полгода, тем более что подобные слухи ходили еще весной.

К счастью, сейчас в Саратовской области достаточно низкий процент заболеваемости среди школьников и педагогов. Новой коронавирусной инфекцией заразились всего 0,4% учащихся региона — то есть всего 22 ученика. Среди учителей таких оказалось 13 человек.

Однако из-за столь малого количества учащихся и педагогов на карантин отправились пять школ целиком (в основном это небольшие сельские школы и школы, расположенные в районных центрах), а также 39 классов в 26 школах региона.

На дистанционном обучении разом оказались больше 2200 школьников и 169 педагогов.

Кроме того, на дистанционное обучение перевели студентов Краснокутского политехнического лицея. И частично оказались закрыты пять детских садов.

Некоторые саратовцы уже столкнулись с вынужденным карантином и переходом на кратковременную дистанционку.

Надежда Новикова, чья дочь в этом году пошла в первый класс, никаких проблем за время карантина не ощутила:

— Среди одноклассников дочери было много заболевших, но не ковидных, поэтому класс закрыли на карантин дня на четыре или на пять. Заданий никаких не давали.

Дочь Андрея Венедиктова, которая перешла в четвертый класс одного из саратовских лицеев, как раз сейчас вместе с родителями ждет появления «домашки» в электронном дневнике. Ее класс переходит на дистанционку на ближайшие несколько дней — у учителя ОРВИ.

— Пока электронный дневник пуст, — пожимает плечами отец. — Весной они всем классом занимались по скайпу. У них было два урока в день — русский язык и математика. Дети, конечно, расслабились, разболтались. Тем более что нам, работающим родителям, особо некогда их контролировать.

Дочь Елены Рыковой в этом году пошла в седьмой класс лицея № 2 в Саратове. И сейчас, когда в половине города отключили холодную воду, эта школа, как и многие другие школы города, на два дня ушла на дистанционное обучение.

— Конечно, дистанционка лучше, чем вообще ничего, — делится впечатлениями Елена. — Но вообще это трудно назвать учебой. Сейчас я постоянно сталкиваюсь с последствиями прошлогодней дистанционки. Темы, которые детям объясняли онлайн, для учеников как будто абсолютно новые. Их приходится объяснять заново. Причем не учителям, а родителям. В общем, дистанционного обучения больше не хочется. Больше всего его боятся, кстати, родители первоклассников. В нашей школе их предупредили, что если не будет 20% класса на уроках, то их на эту дистанционку переведут.

Кстати, опыт дистанционного обучения многие школы взяли на вооружение, несмотря на активное неприятие родителей. По крайней мере, три мамы, чьи дети учатся в разных школах, рассказали, что очное обучение детей длится с понедельника по пятницу, а в субботу все занимаются дистанционно.

— Суббота нужна для того, чтобы спать, — смеется Ольга, чей старший сын перешел в 10-й класс лицея естественных наук. — Поэтому сын просыпается, подключается к занятиям и спит дальше. На прошлой неделе он за десять минут сдал зачет по географии, а потом спал до полудня.

Как заметили в региональном министерстве образования, перевод всех школ области на дистанционное обучение не планируется. Какими должны быть условия, чтобы регион повторил весенний образовательный эксперимент, в министерстве не знают.

Анна МУХИНА

Пермский край

В Пермском крае из-за COVID-19 приостановлены занятия в 59 классах 35 школ, расположенных в Перми, Соликамске, Березниках, Кудымкаре, Юсьве, Бардах, Чайковском, Кунгуре, Чердынском и Октябрьском городских округах.

При этом министр образования Пермского края Раиса Кассина поясняет, что дистанционного обучения в школах пока не планируется, а весь COVID-19, который появился в школах, это «семейный очаг», он занесен детьми из семей.

«Мы работаем очно и не планируем дистанционное обучение. Дистанционное обучение возможно только в том случае, если опять будет большой рост заболеваемости и к нам поступят такие требования, сейчас таких требований нет. Как нам рекомендовано, основные предметы преподаются очно, а факультативы или спецкурсы могут вестись дистанционно», — рассказала Кассина.

23 сентября в министерстве образования края сообщили о недельном карантине по ОРВИ в классах 101 школы региона. Учащимся выданы задания для самостоятельной работы.

Коронавирус выявлен у сотрудников и студентов пяти основных вузов региона: в Пермском государственном университете, Политехническом университете, Фармацевтической академии, Педагогическом университете и ВШЭ. Часть студентов перешла на дистанционный режим обучения, с 21 сентября все потоковые пары в Пермском государственном университете (ПГНИУ) проходят онлайн.

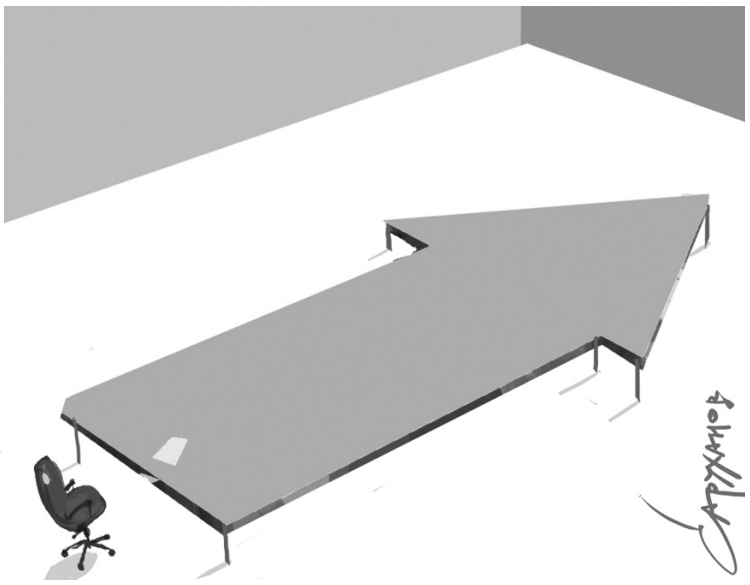
По данным Роспотребнадзора, в Пермском крае наблюдается рост заболеваемости коронавирусом, среднедельный показатель вырос на 10%, ежедневный прирост — более 70 человек, всего зараженных — 9299.

Александра СЕМЕНОВА

ЦЕНА АВТОРИТАРИЗМА

письмо из редакции

Кирилл МАРТЫНОВ,
редактор отдела политики



Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Весной мы писали о политическом измерении пандемии: Кремль и коронавирус конкурировали друг с другом, кто из них главный. Российские власти с запозданием признали, что систему здравоохранения страны ждет самое серьезное испытание за много десятилетий; сначала считалось, что русским людям эта зараза не страшна.

Тем не менее строгий карантин удалось ввести главным образом в Москве — заодно мэрия получила беспрецедентный контроль над цифровыми жизнями горожан. И уже к началу лета Кремль решил, что пора возвращать себе инициативу, традиционно понятую как право действовать, не считаясь с ситуацией и контекстом.

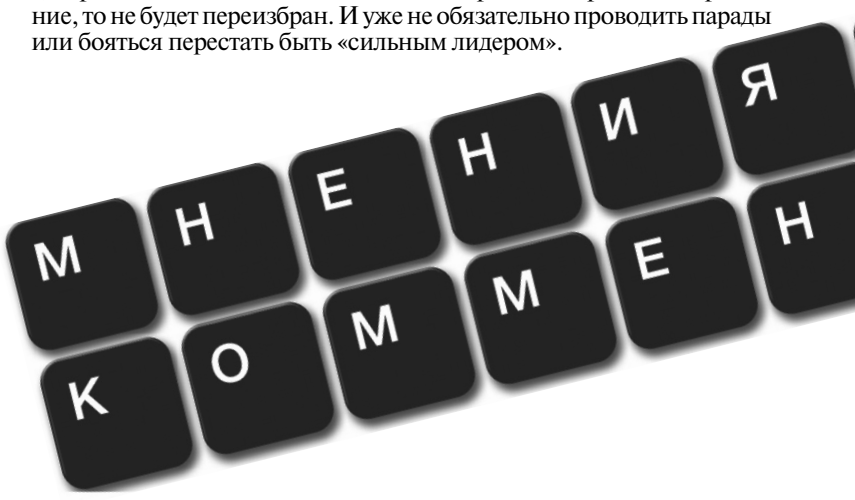
В итоге по итогам первой волны эпидемии Кремлем были приняты два политических решения. Во-первых, в отличие от всех основных экономик мира, в России отказались от «вертолетных денег», то есть от прямой помощи гражданам, теряющим источники дохода. Некоторая помощь была оказана семьям с детьми, бюджетникам, в частности врачам, работающим в условиях пандемии, а также в теории — малому и среднему бизнесу. Оптимистичная оценка правительства предполагает, что всего в экономику было влито 2,1 трлн рублей — на первый взгляд вполне весомая цифра, составляющая 10% бюджета страны. Однако, для сравнения, в США в тот же момент потратили на поддержку своей экономики почти 3 трлн долларов, что составляет 90% их годового бюджета. У российских властей есть деньги, о чем недавно напомнил даже глава Счетной палаты Алексей Кудрин, но они не для людей.

Второе решение оказалось еще более заметным, поскольку никаких статистических сравнений тут не требуется. Достаточно было выглянуть в окно и убедиться, что акции в поддержку властей оказались важнее коронавируса. Ни июньский военный парад, ни «обнуление» Конституции 1 июля не были нужны гражданам России, которые только учились к тому моменту снова выходить из дома. Кампания «исторического триумфа» строилась на тезисе о том, что эпидемии больше не нужно бояться. Все это сопровождалось невиданными победами российской науки: и вакцину у нас сделали первыми, и продавать фавипиравир по цене от 12 тысяч рублей за курс придумали, и европейским странам наши врачи помогли.

К сожалению, теперь мы все заплатим за это цену. Как предсказывали эпидемиологи, коронавирус возвращается вместе с осенне-зимним сезоном, и к ноябрю люди рискуют вновь умирать тысячами.

Если бы власти раздали денег гражданам, у Кремля сейчас было бы моральное право требовать второй раз разойтись по домам. Но сидеть дома бесплатно и наблюдать, как обваливается рубль (до антирекордов 2016 года), люди вряд ли согласятся: весной многим было тяжело, а «кавалерия» в лице государственной помощи так и не пришла. За бравурные речи о победе над коронавирусом, парады и псевдореферендумы тоже придется заплатить. Дилемма повторяется снова: спасать жизни или спасать экономику. Только теперь все еще больше устали и отчаялись.

Дмитрий Гудков справедливо отмечает, что демократиям легче справляться с нынешней ситуацией. Политик, избранный гражданами и привыкший отчитываться перед ними, может говорить о проблемах страны честно. Например, предложить устроить карантин на такое-то количество недель, чтобы спасти такое-то число жизней, потеряв рабочие места и деньги. Вы голосовали за этого политика и доверяете его компетентности. Если он примет неправильное решение, то не будет переизбран. И уже не обязательно проводить парады или бояться перестать быть «сильным лидером».



ПОЛИТЭКОНОМИЯ

НЕ РЫНКОМ ЕДИНЫМ

Иван ЛЮБИМОВ*

Почему присутствие государства в экономике — это не всегда плохо

Многие считают чрезмерным вмешательство российского государства в экономику. К такому выводу легко прийти, посмотрев на количество отчетности, которое приходится формировать сотрудникам госучреждений, или на ограничения, список которых регулярно пополняет Государственная дума. Такие наблюдения неизбежно наталкивают на вывод о том, что государственное регулирование как явление должно быть сведено к минимуму.

При этом рыночная экономика в России достаточно сурова. Существуют целые сектора экономики, фактически занимающиеся скрытым мошенничеством. Например, компании, продающие по баснословным ценам бесполезные для лечения серьезных заболеваний БАДы, фирмы, которые убеждают людей срочно поменять счетчики учета воды или купить дешевый ширпотреб по завышенным ценам.

Тем, кто занимается подобным бизнесом, совершенно безразлична бедность, в которой живут многие российские семьи, включая пенсионеров. Они готовы отнять последнее, таким образом поставив людей на грань гуманитарной катастрофы.

Однако государство часто не компенсирует, а лишь усугубляет подобные провалы рынка. Например, когда чиновники вступают в сговор с производителями подделок или с недобросовестными строительными компаниями. Или когда государство прямо встает на сторону нарушителя, как после трагедии в торговом центре «Зимняя вишня», произошедшей в том числе по вине недобросовестных регуляторов.

Парадокс в том, что в развитых странах государственного регулирования на самом деле ничуть не меньше, а может, и больше. В Германии, Нидерландах или Швеции регулирования предостаточно. Люди в этих странах не могут просто так вынести старую мебель на помойку или выставить постояльца из съемной квартиры. И соблюдать эти правила приходится довольно строго. Но при этом большинство людей не жалуются на несправедливость регулирования, потому что понимают, что оно осуществляется в общественных интересах.

Следовательно, проблема не в масштабах регулирования, а в его содержании. В развитых странах оно значительно чаще действует в общественных интересах и реализуется квалифицированными исполнителями.

Приблизительно так же дела обстоят и с индустриальной политикой. Рыночная экономика нередко не справляется с задачей формирования новых рынков. Иногда частный сектор попросту не видит новых технологических направлений. Да, рынок использует систему цен для того, чтобы сигнализировать инвесторам о направлениях вложений. Капитал должен направляться туда, где цены выше из-за недостатка предложения.

Однако рыночная система цен действует в рамках существующих технологических парадигм. О существовании новых парадигм рынок может ничего не знать. И даже если он догадывается о них, то боится рисков, связанных с неизведанной технологической сферой. Поэтому роль первопроходца нередко приходится играть государству.

Многие из прорывных изобретений, которые мы привыкли считать порождением частных инвестиций, на самом деле появились благодаря усилиям государства. Интернет возник благодаря сети, использованной американскими военными, GPS также возник благодаря военным разработкам. Сенсорный экран стал результатом исследовательских усилий инженеров, начавших свои разработки в государственных организациях.

IPhone, Кремниевая долина и многие другие триумфальные инновационные истории получили большую технологическую и финансовую поддержку от государства.

В России тоже достаточно историй успешной господдержки инновационных компаний. Однако даже в случаях, когда новые фирмы получают от государства квалифицированную экспертную помощь, на эти же компании потом заводятся уголовные дела из-за ошибок, допущенных при прохождении процедур оформления или заполнении конкурсной документации. В результате, помогая одной рукой, другой рукой государство создает бизнесу проблемы.

Различие между российской экономикой и многими развитыми странами заключается не в масштабе регулирования, а в его содержании. Поэтому здесь на длительной дистанции предстоит решать проблемы высокого уровня коррупции и часто недостаточной квалификации тех, кто занимается госуправлением, а не искать выход в демонтаже регулирования.

Этот текст — часть дискуссии автора с экономистом Дмитрием Травиным. Противоположную точку зрения читайте в следующем номере.

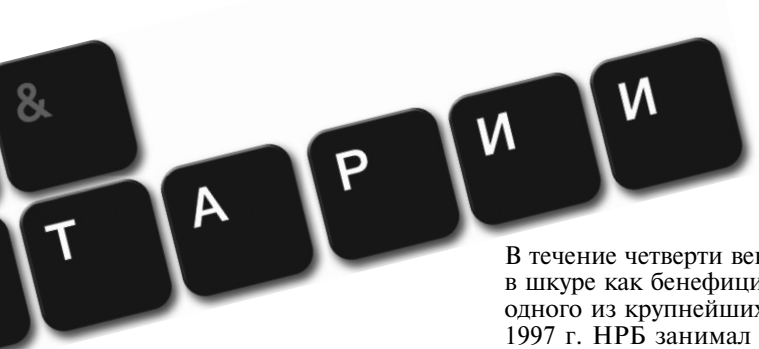
**Автор — экономист*

ТОКЕН-РЕВОЛЮЦИЯ

Александр ЛЕБЕДЕВ*

Новая криптовалюта обеспечит инвестиции без банкиров, их яхт и отмывания грязных денег

**Автор — доктор экономических наук*



Далекому от криптовалют человеку трудно понять, что такое DeFi. Те же, кто имеет с ними дело, знает, что уже сегодня любой человек может обменять свои деньги на «крипту», вложить ее в такой проект и хоть каждый день заходить в свой аккаунт, любуясь растущими цифрами дохода (в качестве примера — скриншот с моего собственного Macbook). Является ли это разновидностью классической «пирамиды Понци»? Если понимать ее так, как Сергей Мавроди с его МММ и Лёней Голубковым, — очевидно, нет. Столь же очевидно, что этот «грибной дождь» обеспечен быстрым притоком ликвидности на новый рынок и взрывной рост DeFi-проектов не может продолжаться бесконечно долго. Однако технологии, заложенные в эту инфраструктуру, открывают огромные возможности для переустройства глобальной финансовой системы.

Ваш покорный слуга посвятил банковскому делу ровно 25 лет жизни. Купив в 1995 г. карликовый «Национальный резервный банк» (по сути — лицензию), в 2020 г. передал новому владельцу один из самых надежных банков в России — в 20 раз меньше, чем он был когда-то (поэтому и цена сделки была скромной), зато без пассивов и обязательств перед кредиторами. В течение четверти века я успел побывать в шкуре как бенефициара и руководителя одного из крупнейших частных банков (в 1997 г. НРБ занимал третье место после Сбербанка и ВТБ среди российских банков по размеру собственного капитала), так и объекта атаки рейдеров с «оборотнями в погонах» из ФСБ, уничтоживших мой бизнес. Однако я сохранил имя: в самый драматический момент, когда клиенты побежали забирать деньги (ну конечно, ведь владелец угодил на скамью подсудимых за инцидент с Полонским на НТВ...), сделал то, что не пришло в голову никому из «коллег по цеху», чьи банки разорились, — продал все, что мог, и расплатился с клиентами, отдав им 90 млрд рублей. Фул стоп!

«Продвинутые» банкиры банкротили свои банки, положив в карман клиентские деньги. Именно так поступили известные когда-то деятели вроде Сергея Пугачева, Анатолия Мотылева или Георгия Беджамова. С конца 90-х тысячи российских «банкстеров» из тысяч банков, присвоив от 35 до 75% активов, в сумме составляющих более $100 млрд, либо уезжали из страны, поближе к украденным деньгам, либо открывали новое «дело» (в зависимости от толщины «крыши» в коридорах власти). Некоторые из них посмеиваются надо мной: мол, мы с подмоченной репутацией, но с украденными десятками миллиардов долларов, а он — с репутацией, но без денег.

Допустим на секунду, что репутация дороже «презренного металла». Кому-то это покажется нескромным, но скажу, что знаю финансовый мир неплохо, — читателям «Новой» хорошо известно, что в последние годы я занимался публичными расследованиями афер и хищений в банковской системе. И с высоты своего опыта утверждаю: за эти годы она заметно деградировала, причем именно в глобальном масштабе.

Между тем люди, которые реально придумывают и производят материальные и нематериальные блага, двигают научно-технический прогресс и культуру, испытывают все больше трудностей с доступом к финансовым ресурсам. Их доходы несопоставимы с не подкрепленным никаким физическим или интеллектуальным трудом богатством тех, кто причастен к глобальной олигархии. Миллиарды людей вообще отрезаны от банковских услуг ввиду их дороговизны и отсутствия интереса к малоимущим со стороны «банкстеров», которым нечего у них украсть. Сложилась система финансового апартеида, который загоняет в нищету народы и целые континенты.

> «рабочая площадка для огромного числа инноваций

Это вопиющее противоречие становится особенно очевидным сейчас, на фоне рецессии, вызванной пандемией коронавируса, когда все больше девальвируются сами деньги, которые в огромных и ничем не обеспеченных количествах печатаются национальными финансовыми институтами разных стран. Рано или поздно эта перевернутая вверх дном пирамида должна рухнуть, а пузырь, надутый на фондовых рынках, — лопнуть. Избыточная ликвидность с фондовых рынков неизбежно хлынет в реальный мир, превращая в пыль и без того постоянно обесценивающиеся деньги вне зависимости от того, в чем они номинированы. Это приведет к еще одному ограблению апокалиптического масштаба.

К счастью, человеческая мысль не стоит на месте. Криптовалюты, которые еще 10 лет назад воспринимались как прикол и игрушка, сегодня являются важной частью международной финансовой системы. Следующим шагом станет «цифровизация» реальных активов, в том числе производственных мощностей, недвижимости, любых товаров и услуг, с их «пропиской» в распределенных реестрах.

То, что еще недавно было вымыслом писателей-фантастов, сегодня становится реальностью. Искусственный интеллект уже управляет транспортными средствами, и такая профессия, как водитель, в течение ближайших 10 лет может уйти в прошлое. Точно так же технологии блокчейна и смартконтракты позволяют сделать ненужным содержание подавляющего большинства людей, ныне занятых в финансово-кредитной сфере, и искоренить «банкстерство» как явление.

С помощью децентрализованных финансов (Decentralized Finance, DeFi) стало возможным напрямую соединять клиентов традиционных банков без участия посредника в виде самого банка, функционал которого в данном случае выполняет смартконтракт. При этом никто не сможет украсть клиентские деньги, ведь система DeFi защищает их от алчных банкиров: смартконтракт подчиняется только законам математики — он неподкупен, ему не нужны виллы на Лазурном Берегу Франции, самолеты и яхты.

В основе текущих DeFi-проектов находится обмен ликвидными токенами (в основном децентрализованными криптовалютами) на принципах залогового кредитования. Они достаточно примитивны и служат либо для банального залогового кредитования, либо для так называемого Yield Farming (в буквальном переводе — «доходное фермерство») — пустопорожнего надувания ликвидности ради роста акций с их последующей реализацией на свободном рынке.

В отличие от них наш проект независимой децентрализованной финансовой системы (можете называть ее «Банк 2.0»), в которой все участники одновременно являются бенефициарами, предложит клиентам весь спектр услуг традиционных банков: обмен валюты, депозиты, кредитование, расчетно-кассовое обслуживание, местные и международные переводы и так далее. Принципиальным отличием этой платформы является ее наднациональность — система исполнения смартконтрактов на технологии блокчейн в Сети находится одновременно повсюду и нигде. Что бы ни случилось с людьми, управляющими системой, все обязательства будут исполнены, так как они обеспечиваются не личной порядочностью, а закрепленными в смартконтрактах обязательствами.

Наиболее значимым аспектом этого проекта будет являться предоставление рабочей площадки для огромного числа сторонних стартапов и инноваций. Речь идет о механизме, который в итоге напрямую соединит нуждающегося в финансировании владельца IT-бюро из Нижневартовска или разработчика технологии переработки мусора из Пензы с потенциальным инвестором из Норвегии или Японии. В систему будут включены сотни и тысячи проектов, созданных талантливыми людьми, каждый из которых станет частью глобальной инфраструктуры — ровно так же, как вокруг любого крупного банка имеются сотни и тысячи проектов, так или иначе завязанных на кредитное учреждение.

Кроме того, появятся дополнительные возможности для финансовой прозрачности в реализации некоммерческих проектов — к примеру, в сфере благотворительности, которая, увы, страдает от того, что из $600 млрд пожертвований, выделяемых ежегодно донорами по всему миру, половина просто разворовывается напрямую или через так называемые административные расходы. Криптоэкономика позволяет любому жертвователю любой суммы, даже одного рубля, проследить, какой именно девочке в Сибири на его взнос была сделана жизненно важная операция, получил ли крестьянин в Уганде 10 долларов на удобрения и как он их потратил, какого конкретного тигра спасли в Приамурье или слона в Габоне. Всю информацию можно делать полностью открытой вплоть до указания контактов внутри блокчейна благотворительного токена.

Возможно, мы стоим на пороге настоящей революции в международной финансовой системе, которую можно охарактеризовать как «антибанкстерскую». Я не претендую на то, чтобы быть оракулом истины в последней инстанции, и допускаю, что в этом тексте (который я рекомендую ЦБ для внимательного прочтения) есть с чем поспорить. Бесспорно одно: в том виде, в каком эта система существует сейчас, она ведет мировую экономику к катастрофе.

«СБЕР» ВСЕ РАВНО ОСТАЕТСЯ БАНКОМ»

Эксперты — о том, реально ли сделать из бывшей сберкассы русский Google

24 сентября Сбербанк предъявил публике и инвесторам записанную заранее презентацию своего нового бренда: теперь это вроде бы уже и не банк, а цифровая компания с развитой экосистемой. За двое суток до этого TCS Group (головная структура Тинькофф-банка), упреждая праздник Германа Оскаровича, объявила о готовящейся продаже 100% своего бизнеса «Яндексу». Длительная история партнерства с ревнивым соперничеством двух визионеров завершилась созданием финансово-цифровых монополий. В США это запрещено антимонопольным законом. Действительно ли «Сбер» уже не банк? Что толкнуло его на этот путь? Сумеет ли он сделать свои небанковские сервисы лучше, чем у конкурента? И зачем пенсионерам и бюджетникам цифровая среда? Рассказывают наши эксперты из мира финансов и IT.

РИА Новости

Карен КАЗАРЯН, *ведущий аналитик Российской ассоциации электронных коммуникаций:*

— Презентация Сбербанка откровением не стала, он уже лет пять является частью IT-сектора, аккумулируя одну из самых больших команд на рынке — до 10 тысяч специалистов в Сбертехе. Но надо понимать, что это прекрасное цифровое будущее Сбербанка производится за счет убыточных подразделений, и в обозримом будущем весь его цифровой бизнес не будет приносить сколько-нибудь серьезную долю доходов.

Случай, когда цифровая экосистема выстраивается вокруг банка, уникален. Но вокруг платежных систем такие конгломераты создавались не раз. Много бизнесов возникло вокруг Alipay, когда Alibaba дала всем своим продавцам и покупателям единый удобный платежный инструмент. Давно существует китайская компания с труднопроизносимым названием Meituan-Dianping, которая начинала как конкурент скидочного сервиса Groupon. Сегодня это огромный интернет-сервис с множеством услуг. Поэтому в нашем случае надо спросить: на основе чего мы строим такую систему?

Мы не сильно погрешим против истины, если скажем, что карта Сбербанка есть практически у каждого взрослого россиянина. Какие бы причины ни привели к такому положению вещей, главный продукт Сбербанка сегодня — приложение для мобильных телефонов. Благодаря ему задолго до организации Центробанком системы межбанковских платежей единой платежной системой России стала система «кинь денег на Сбербанк».

Отсюда можно предлагать новые людям сервисы. И вовсе не потому, что все мы уж так хотим ими пользоваться, а потому, что оно уже у всех есть. Почему бы и не попробовать? Ведь это логика Amazon Prime — скидки и бесплатная доставка. Массовый потребитель может и не знать, что туда входят еще 30 других сервисов.

Эта модель позволяет ослабить отток пользователей, которые просто присутствуют в системе из-за того, что им на работе выдали карту Сбербанка. И конечно, такая модель позволяет собирать многообразные данные о пользователе, чтобы эффективно развивать основной бизнес. В нашем случае — банковский. И банк предлагает эти сервисы для сбора данных агрессивно.

Мне вот уже предложили три месяца бесплатно смотреть фильмы на Okko и много скидок на «Сбермаркет» — просто возьми! Ничем этим я не пользуюсь, но помню, что они есть. Это точно работает, но надо понимать, что это не основной бизнес и не станет им еще десятилетия. «Сбер» все равно остается именно банком со всеми присущими ему интересами и мотивами. Мы не можем пока даже предположить капитализацию этих сервисов или их долю в доходе — она мизерна. Необходимо подождать развития рыночной ситуации.

Образ цифровой кампании для банка с такой клиентурой (можно обозначить ее как консервативную), как у «Сбера», пока смотрится несколько искусственным. Даже если бы он не проводил сегодня ребрендинг, оставив все как было, для самих клиентов ничего бы не изменилось. Новый образ, по большому счету, работает не на них. Клиенты никуда не разбегутся. А если надо сделать ставку на молодежь, то студенты при поступлении в институт получат карту «Сбера» для стипендии.

Михаил ГАНЕЛИН, *старший аналитик ИК «АТОН»:*

— Эта презентация была адресована, можно сказать, всем россиянам, а не только экспертному сообществу. Продукты, которые презентовали, — онлайн-кинотеатр Okko, доставка еды Delivery Club и продуктов «Сбермаркет», 30 Гб в облачном хранилище «Сбердиск», «Сбермобайл» и «Ситимобил» — уже существуют, и не один день. Просто их еще раз продемонстрировали при смене бренда.

«Сбер» всеми силами стремится стать цифровой платформой, уйти от традиционного образа банка. Финтех — это когда в финансовом учреждении программистов больше, чем любых других сотрудников. Например, в том же «Тинькофф» их около 60%. Герман Греф неоднократно заявлял, что технологические компании рано или поздно войдут в финансовую сферу и вытеснят банки. Такой риск существует, но пока финтех-гиганты в банковский бизнес идти не хотят, в лучшем случае они развивают платежные системы. И вот «Сбер» решил опередить такой прогноз, даже банком называться не хочет.

Остальные крупные банки тоже идут в сторону цифровизации, но с разным успехом. Правильно ли концептуально строить вокруг себя такую экосистему — сложный дискуссионный вопрос. «Сбер» нацелен существенно увеличить долю доходов от небанковского бизнеса с помощью этой системы. Цель менеджмента Сбербанка — довести долю доходов от небанковских сервисов до 30%. Это очень амбициозная цель, учитывая масштаб «Сбера» в традиционном банковском секторе. Ни в Европе, ни в Америке банки таким путем не шли.

Возможно, читатели удивятся, но российская финансовая система в части цифровых услуг более продвинутая, чем американская и европейская. Технологии, которые наши банки предлагают клиентам в личном кабинете или смартфоне, удобнее и шире, чем предлагает любой американский банк.

Теперь все предложения сосредоточиваются в одной экосистеме, это тенденция последних нескольких лет. В этом направлении пошел не только «Сбер», но и «Тинькофф», один из самых инновационных наших банков. А его планируемая интеграциия с небанковскими бизнесами «Яндекса» еще больше повышает роль экосистемы. С некоторым опозданием, но тоже приступил к развитию своей экосистемы ВТБ.

Банкам нужны новые аудитории, новые рынки, современные каналы привлечения клиентов и продажи им услуг, больше данных о клиентах, но главное — диверсификация доходов и снижение доли процентных доходов. Банки ищут партнерства и с крупными компаниями, которые обслуживают большие рынки — агрегаторы такси, телекомы, ритейл, недвижимость. Попытки сделать универсальные конгломераты в бизнесе были и ранее, только таких удобных инструментов, вроде современных смартфонов и соцсетей, не было.

Вспомним, что поначалу Сбербанк планировал экспансию на международные рынки, скупал банки в Европе и Турции. Потом начались санкции, стратегия расширения не сработала. Пришлось искать другой источник развития.

Это отчасти и вынужденная стратегия. Сбербанк — мощнейшая корпорация и внутри страны при желании способен подавить всех конкурентов. Уход в небанковские сервисы с цифровой трансформацией как раз переносит развитие на другие секторы и не усугубляет монопольное положение.

Общая выручка от компаний экосистемы «Сбера» пока около 2 млрд долл., а общая выручка самого «Сбера» — около 27 млрд долл. Вот вам оценка отношения главного источника дохода и небанковских сервисов цифровой экосистемы. Правда, выручка экосистемы имеет потенциал, наверное, кратного роста. Будет расти капитализация самих компаний, со временем они выйдут на биржу и повысят капитализацию самого «Сбера».

Но помимо этих очевидных обстоятельств есть и неочевидные, но более важные. У Сбербанка появится много информации о своих клиентах как участниках сервисов: куда они ездят, что, за сколько и где покупают, что слушают, часто ли позволяют себе такси и так далее. Значит, риски заемщиков при выдаче кредитов будут оцениваться гораздо точнее и быстрее. Появится возможность сократить операционные расходы, повысить эффективность самого банка. А это уже прямой эффект на его чистую прибыль и дивиденды акционерам.

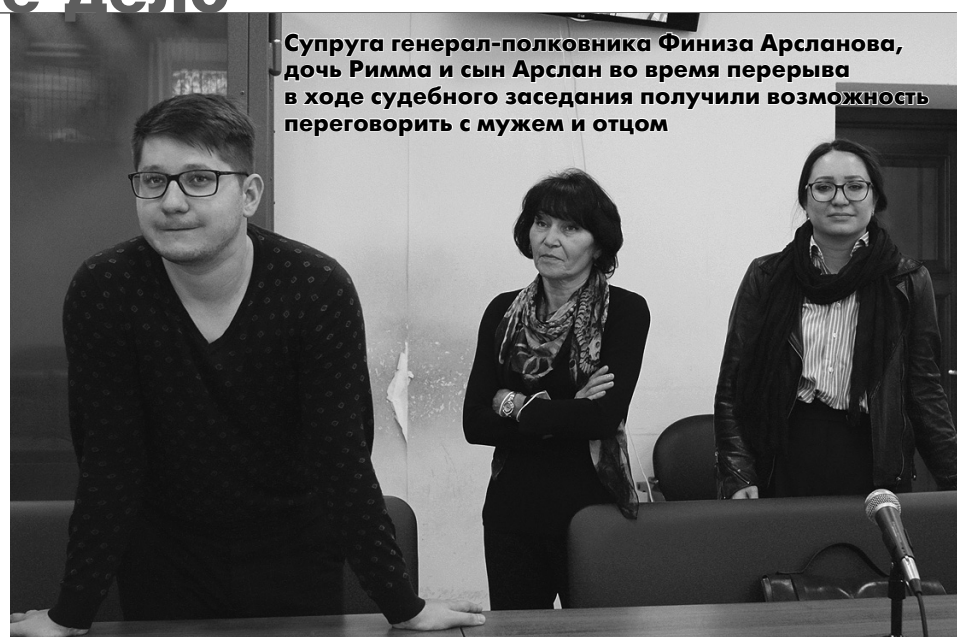
Минус такого поворота — как и куда развиваться компаниям, которые будут напрямую конкурировать с экосистемой «Сбера». То, что большие проблемы будут у всех остальных участников рынка, — очевидно. Например, у «Яндекс-такси» большая доля рынка, и «Сити-мобил» может предложить тарифы ниже, чтобы отвоевать долю конкурента. Но им обоим найдется место под солнцем, и мы от этого выиграем, а вот другим агрегаторам такси может стать непросто.

Сложно станет и другим крупным банкам, которые не создали вокруг себя подобных экосистем. Через 3–5 лет для многих из них может наступить кризис бизнес-модели. Через какие каналы привлекать новых клиентов, как увеличивать долю небанковских доходов.

Записал **Валерий ШИРЯЕВ,** «Новая»

громкое дело

Халил Арсланов


Супруга генерал-полковника Финиза Арсланова, дочь Римма и сын Арслан во время перерыва в ходе судебного заседания получили возможность переговорить с мужем и отцом

ПЫТКИ БОЛЬЮ

Чтобы не отпускать под домашний арест тяжелобольного генерал-полковника Министерства обороны, для него нашли новое обвинение

В уголовном деле генерал-полковника Халила Арсланова появился еще один эпизод. В августе 2020 следователи неожиданно обнаружили, что еще в 2016 году Арсланову, в то время командующему войсками связи Вооруженных сил России, якобы была передана взятка в размере 12 миллионов рублей.
Но, на наш взгляд, этот эпизод выглядит таким же странным, как и обвинение в хищении 6,7 млрд рублей из 18 млрд, выплаченных Министерством обороны за поставку в войска более 60 тыс. новейших радиостанций «Азарт».
Генерал-полковнику Арсланову требуется экстренная операция по удалению опухоли, однако его содержание в тюремной камере продлено до 9 декабря.

Второй западный окружной военный суд отклонил апелляционную жалобу и оставил в силе решение 235-го гарнизонного военного суда о продлении ареста генералу Арсланову. Судебное заседание, на котором было принято это решение, состоялось 16 сентября. В этот же день многие новостные агентства и интернет-издания подхватили информацию ТАСС, который оповестил, что в ходе судебного заседания старший прокурор Главной военной прокуратуры Андрей Зеньков сообщил, что болезни, которые есть у Халила Арсланова, будто бы «не препятствуют его содержанию под стражей».

Само судебное заседание не привлекло внимания прессы, потому можно предположить: информацию ТАСС предоставила Генпрокуратура. Но эта информация, мягко говоря, неполна.

На заседании действительно поднимался вопрос о состоянии здоровья генерала, которое по-прежнему критическое. Еще 10 февраля консилиум врачей должен был определиться с датой операции, но 7 февраля Арсланов был арестован.

Прокурор действительно говорил о том, что «болезни Арсланова не препятствуют его содержанию под стражей», и подчеркнул, что это вывод врачей, к которым Арсланова вывозили на обследование. Сам Арсланов, участвовавший в заседании по видеосвязи, подтвердил — в июле его вывозили из тюрьмы в больницу:

— Гражданский врач выслушал коллегу из тюрьмы... Вот и все обследование.

Судья Андрей Краев поинтересовался, есть ли у Арсланова возможность получения медицинской помощи в тюрьме.

— Если речь о том, могу ли я просить свои лекарства, переданные мне семьей, да, сейчас могу.

И прокурор, и следователь настаивали: генерал должен находиться именно в тюремной камере, прикрывшись традиционным набором: «обвиняемый может скрыться от следствия, уничтожить улики, оказать давление на свидетелей». Но они не смогли опровергнуть довод защиты: после предъявления обвинения (в октябре 2019 года) Арсланов три месяца был на свободе, но не скрылся, улики не уничтожил и на свидетелей не оказывал давления.

И генерал Арсланов, и его адвокат просили суд изменить меру пресечения на домашний арест с содержанием не в московской квартире, а в госпитале.

— Мы просим суд дать возможность Арсланову прооперироваться. А потом можете снова отправлять генерала в камеру, — произнес в прениях адвокат Дмитрий Анцупов.

А сам Арсланов добавил:

— Здесь меня пытают болью. Наверное, это происходит с какой-то целью, которую я не понимаю. Я прошу суд предоставить мне возможность прооперироваться. Прошу остановить пытки. А после операции может снова закрыть меня в тюрьме...

В чем обвиняют генерала

Арсланова обвиняют в причастности к хищению 6,7 миллиарда рублей из 18 миллиардов, перечисленных на счета зеленоградской АО «НПО «Ангстрем» и АО «Ярославский радиозавод», которые в 2015–2018 гг. поставили в войска более 60 тыс. штук портативных радиостанций шестого поколения.

Первая партия радиостанций поступила в армию еще в 2012 году. Об этом событии телеканал «Звезда» даже показал репортаж, в котором Анатолий Сердюков, занимавший должность министра обороны, и Дмитрий Рогозин, работавший вице-премьером и курировавший оборонку, нахваливали технику, подчеркнув, что это новейшая разработка.

Государственные контракты на разработку и поставку радиостанций были подписаны еще в 2009 году. Тогда же были определены и параметры договоров. В том числе и ценовые. Стоимость радиостанций регистрировалась Федеральной антимонопольной службой России и неоднократно проверялась Минобороны, Росфинмониторингом, органами прокуратуры всех уровней. И все эти проверки не выявили каких-либо нарушений в ценообразовании и исполнении госконтрактов.

Но в 2013 году было возбуждено уголовное дело. На основании экспертного заключения, что «ориентировочная рыночная стоимость радиостанций» завышена, оперативники военной контрразведки ФСБ и военные следователи пришли к выводу о хищении 6,7 миллиарда рублей. При этом «рыночная стоимость» радиостанций до сих пор неизвестна. 25 ноября 2019 года следствие назначило комплексную финансово-техническую судебную экспертизу «в целях установления рыночной стоимости портативных радиостанций засекреченной связи для тактического звена управления». Был определен и срок проведения экспертизы — 45 суток. Но экспертизы до сих пор нет. Видимо, это нерешаемая задача. Потому что невозможно определить рыночную стоимость товара, которого на рынке нет: подобных радиостанций нет в свободной продаже.

Мало того — фигурантами уголовного дела стали люди, которые вообще не имели никакого отношения к подписанию госконтрактов и формированию цены. Среди них и генерал-полковник Халил Арсланов.

Взятка из Ярославля

Обо всех странностях уголовного дела в отношении Халила Арсланова я рассказал в августе (подробности в «Новой» № 88 от 17 августа 2020). Публикация получила резонанс. Следствие, похоже, встревожилось. И не придумало ничего лучше, как предъявить генералу новое обвинение. На этот раз — в получении в 2016 году у Сергея Якушева, в то время генерального директора АО «Ярославский радиозавод», а с сентября 2018 года заместителя председателя Ярославской областной Думы, взятки.

ТАСС проинформировал: «Арсланову предъявлено обвинение в получении через посредника от бывшего директора АО «Ярославский радиозавод» Сергея Якушева денег в особо крупном размере — 12 млн рублей — за совершение в пользу представляемого Якушевым ПАО «Ярославский радиозавод» действия или бездействия, которые Арсланов мог совершить в силу своего служебного положения, а также за общее покровительство. То есть Арсланов обвиняется по ч. 6 ст. 290 УК РФ («Получение взятки, совершенное с вымогательством, в особо крупном размере»)».

Тут надо сказать, что Сергей Якушев возглавлял «Ярославский радиозавод» с 1996 года, три созыва в течение четырнадцати лет избирался в областной парламент. На момент передачи денег в 2016 году Якушев тоже был депутатом. И тут важно вспомнить, что это было за время.

С сентября 2015 года шел судебный процесс над экс-мэром Ярославля Евгением Урлашовым. В августе 2016-го был вынесен приговор, Урлашов был признан виновным в получении взятки в размере 17 миллионов рублей. Об этом уголовном деле много и часто писала и местная, и федеральная пресса. И трудно представить, что человек, многие годы руководивший крупным ярославским предприятием и работавший депутатом Ярославской областной думы, не читал этих материалов. И не знал, как надо поступать, куда обращаться, если у тебя вымогают взятку. Но, по версии следствия, Якушев ничего такого не знал и передал Арсланову 12 миллионов рублей. А в августе 2020 года вдруг вспомнил об этой взятке.

Важное обстоятельство. Из 18 миллиардов рублей, заплаченных Министерством обороны за поставку армии более 60 тыс. портативных радиостанций, большая часть денег была перечислена как раз на счета АО «Ярославский радиозавод». И 6,7 млрд якобы похищенных денег часть была выведена со счетов именно этого предприятия.

Получается, что генеральный директор Якушев даже не догадывался, что его завод обворовывают. И, если верить следователям, Арсланов и его подельники каким-то образом сначала вывели со счетов предприятия миллиарды, после чего Арсланов потребовал у директора Якушева еще 12 миллионов «за общее покровительство». Абсурд?

Да, абсурд. Если не принимать во внимание, что с самого первого дня пребывания в тюремной камере следствие ждет, что генерал-полковник Халил Арсланов, не выдержав пытки болью, пойдет на сделку со следствием, согласившись оговорить руководство Минобороны. Но Арсланов держится. И следствие вынуждено забивать абсурдом уголовное дело, возбужденное еще в 2013 году и в котором уже более пятисот томов.

Ирек МУРТАЗИН,
фото Светланы ВИДАНОВОЙ,
«Новая»

укол совести

Дамир и Эвелина Рафгутдиновы — молодые родители из городка Кумертау на юге Башкортостана. Эвелина — медсестра, ей 23 года, Дамир — вахтовик, работает на Севере, он на год младше. Полтора года назад у них родилась дочь Анелия. И они даже представить себе не могли, как сильно им придется повзрослеть и как много понять о жизни, которая оказалась такой уязвимой.

ЖИЗНЬ — ЭТО

Девочка Анелия выиграла самое дорогое лекарство в мире

Анелия, долгожданный и пока единственный ребенок, родилась абсолютно здоровой — 9,9 по шкале Апгар. С шести месяцев сама садилась, переворачивалась. В 10 месяцев крепко и уверенно стояла у опоры.

И в эти же 10 месяцев Анелия, стоя у опоры (шкафа или дивана), начала часто шататься и падать, раскачивалась, «как неваляшка». Мама Анелии, Эвелина, сразу побежала к врачам. Ей посоветовали не волноваться — мол, зима, ОРВИ, ребенок ослаб. Поставили задержку моторного развития. Назначили электрофорез, массажи, гимнастику и уколы ноотропов. Эвелина послушала врачей.

А в год у Анелии полностью отказали мышцы ног. Она больше не могла стоять у опоры.

Примерно в это же время Эвелине стали часто попадаться в инстаграме дети-«смайлики» и сборы денег на их лечение. «Я была шокирована, какая огромная сумма. Жалко было очень детей и родителей. И я переводила деньги, 100–200 рублей».

Врач-невролог в Уфе тоже сказала: «Нет, это не генетика». Подтвердила гипотонус, задержку моторного развития — это типичные диагнозы, которые ошибочно ставят детям со СМА.

СМА — спинальная мышечная атрофия, генетическое заболевание, поражающее двигательные нейроны спинного мозга. Мышцы всего тела постепенно слабеют и перестают работать. Сначала ребенок теряет возможность ходить, сидеть, потом управлять руками, говорить, жевать и в конце концов — дышать. Это медленное умирание тела при абсолютно сохранном мозге. Остановить потерю функций может только несколько лекарств в мире. Принимать их нужно как можно раньше: каждый месяц, каждый день безвозвратно забирает у ребенка возможность жить.

Эвелина понимала, что симптомы у дочки очень похожи на те, что она видела в инстаграме. И решила сдать анализ девочки на СМА, не спрашивая совета родных: «Я не хотела никому говорить, чтобы лишний раз никого не тревожить».

Целый месяц она жила в страхе сама. Амелия уже не могла вставать и почти не могла переворачиваться. 30 июня, когда Эвелина с дочкой была в деревне у бабушки, на электронную почту пришло письмо: результат положительный, СМА второго типа. «Боль, ужас, нежелание жить», — так Эвелина описывает свое состояние. Она позвонила мужу и сказала, что ребенок не доживет до двух лет. На тот момент другой информации у Эвелины не было.

Три дня она плакала, выла и кричала (Дамир был на вахте), а потом забрала дочь и уехала к маме.

Мама помогла ей взять себя в руки. «Она дала понять, что мой ребенок страдает от этого, ребенок же как губка впитывает мамино настроение, тем более когда он на груди. Я поняла, что должна сделать все, чтобы Анелия выжила, у меня уже нет времени на слезы и бессмысленные истерики. Я себя запрограммировала: никто, кроме меня, этого не сделает, потому что я мама. Анелия — мой самый лучший мотиватор».

С результатами анализов Эвелина пришла к неврологу в Кумертау, которая ставила гипотонус: «Мы кинули эти бумажки ей на стол и сказали: «Смотрите!» Она начала смотреть, потом достала из-под стола какую-то старую книжку советскую с желтыми страницами и сказала: «А вы знаете, лечения нет, ребенок умрет». Я слушать не стала, потому что уже все прочитала про эту болезнь».

Через две недели с вахты вернулся Дамир, и родители начали действовать. Нашли нейрогенетика в Уфе, в перинатальном генетическом центре, и внештатного невролога. Врачи приняли Анелию без записи, осмотрели, назначили анализы и лекарства.

В это время умирание мышц у девочки приостановилось. Хороший регулярный массаж последние четыре месяца немного привел ее в форму: она стала легче переворачиваться, устойчиво сидела. Родители молились... И начали писать письма в республиканский минздрав: «Обеспечьте Анелию лечением».

Раньше СМА считалась неизлечимым заболеванием — просто не было лекарств. Сейчас в России зарегистрировано только одно лекарство для лечения СМА — «Спинраза». Одна инъекция стоит 125 тысяч долларов. В первый год лечения пациентам нужно шесть уколов (57,6 млн рублей по нынешнему курсу), каждый последующий — четыре (38,4 млн). Закупка препарата возложена на регионы.

Такие расходы, говорит глава фонда «Семьи СМА» Ольга Германенко, для регионов непосильны: «Каждые полгода мы ведем переписку с 56 из 79 регионов. [...] Региональное обеспечение не гарантирует стабильности и непрерывности терапии. [...] Это дорого — ни один регион не написал, что у них все нормально, что справляются». Нехватка денег — одна из главных причин, почему дети и взрослые со СМА в России не обеспечены лечением и вынуждены собирать деньги самостоятельно. Покрыть лечение всех больных СМА под силу только федеральному бюджету. «Наша цель не меняется — это перевод нозологии на федеральное финансирование и включение спинальной мышечной атрофии как заболевания в программы (*например, ВЗН — высокозатратные нозологии*) с федеральным финансированием», — говорит Германенко. «Новая газета» настаивает: государство обязано взять на себя покупку препаратов для больных СМА.

На связи с фондом «Семьи СМА» около 1000 пациентов. Сколько всего в стране больных СМА — никто не знает. Препаратом «Спинраза» — чаще всего по решению суда — обеспечены всего 130 человек (по данным на середину августа). Это значит, что прямо сейчас сотни или

> «Я ПОНЯЛА, ЧТО ДОЛЖНА СДЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТОБЫ АНЕЛИЯ ВЫЖИЛА, У МЕНЯ УЖЕ НЕТ ВРЕМЕНИ НА СЛЕЗЫ И БЕССМЫСЛЕННЫЕ ИСТЕРИКИ

ЛОТЕРЕЯ

КАЖДАЯ НЕУДАЧА ПОГРУЖАЛА В ОТЧАЯНИЕ И ОДНОВРЕМЕННО ЗАЖИГАЛА ЗЛОСТЬ — НАДО ПРОБОВАТЬ ЕЩЕ. И ОНИ ШЛИ, И СТУЧАЛИСЬ, И ПРОСИЛИ

тысячи больных СМА в России медленно умирают, теряя возможность держать ложку, глотать и дышать, — потому что, когда правительство и Госдума разрабатывали и утверждали федеральный бюджет, жизнь пациентов со СМА оказалась не в приоритете.

Родители Анелии писали в региональный минздрав с просьбой обеспечить дочь «Спинразой», но быстро поняли, что «ждать милостей» от государства бессмысленно. И открыли сбор денег на «Рисдиплам» (экспериментальный препарат для лечения СМА). С середины июля 24 часа в сутки Дамир, Эвелина и огромная команда волонтеров придумывали и проводили акции по сбору денег: снимали видеоролики, писали письма бизнесменам, отвечали людям в соцсетях. Эвелина говорит, что только в их приватном чате в вотсапе — больше 100 волонтеров, в группе «ВКонтакте» — больше 500. Многие из них видели Анелию только на видео и фото, но решили — будут за нее бороться.

«Это придавало сил — мы не одиноки. Сейчас эти люди для нас как семья, родные, потому что через многое с нами прошли». Волонтеры организовали благотворительный автопробег, организовали летом в Кумертау благотворительный концерт в кафе: его хозяин взял все расходы на себя, а исполнители выступили бесплатно. И все это ради жизни.

«Наш город очень помог. Люди перечисляли по 500, 1000 рублей и писали, что они с нами. А потом вышел сюжет на местном телевидении, и переводы стали приходить по 50 тысяч, 100 тысяч». Анелия говорит, что первое время собирали миллион в день. И работали, работали, работали — чтобы собрать еще, приблизить заветную цифру, которая поможет выкупить дочь у смерти.

Но в какой-то момент сбор приостановился. В день могло прибавиться 40 тысяч рублей — копейки для цели в два с половиной миллиона долларов. Эвелина поняла, что в их маленьком городе в 60 тысяч человек все, кто мог помочь, — помогли.

Молодые родители взяли дочь на руки и полетели в Москву.

Жили у знакомых, выходили утром и до поздней ночи обходили стеклянные офисы и большие редакции СМИ (не путать со СМА). Выбирали, например: сегодня идем по крупным компаниям, завтра — по редакциям, послезавтра — по футбольным клубам. «Мы шли напролом. Потому что карантин, записи нигде не было. Прорваться через охрану не везде удалось, мы просили слезно: «У нас ребенок умирает, пожалуйста, пустите!» В «Газпроме» и «Лукойле» Эвелину и Дамира связали с отделом благотворительности, но помочь не смогли: детей со СМА не берут. Были в Останкино, долго стояли (до вечера), ждали — не дождались, чтобы их кто-то пустил или хотя бы вышел.

Каждая неудача погружала в отчаяние и одновременно зажигала злость — надо пробовать еще. И они шли, и стучались, и просили. Пришли и в «Новую газету». Публикация помогла ускорить сбор денег, но до нужной суммы было еще далеко. В начале сентября семья вернулась в Башкирию.

Родители решили отправлять анкеты Анелии в фармацевтические компании — в надежде, что или дочь выберут для лечения, или она выиграет в лотерею. Врач оформила на девочку документы и отправила их в компанию Roche Holding, которая отбирает пациентов для участия в исследовании и на год обеспечивает каждого «Рисдипламом». Анелия прошла отбор, и в октябре родители ждали поставку препарата.

Между тем Эвелина просила невролога в Кумертау подать анкету Анелии для участия в лотерее по «Золгенсме», но... «Она нам сказала: «Понимаете, это один шанс на миллион. Смысла нет!» — и документы не оформила». Но подать заявку может только лечащий врач, и здесь снова Анелию спас невролог из Уфы. В начале сентября компания «Новартис» приняла анкету ребенка.

«Золгенсма» — самое дорогое лекарство в мире, стоит 2,1 миллиона долларов. Один укол этого препарата останавливает развитие болезни. Одна инъекция на всю жизнь сохраняет ту силу мышц и способностей, который был при уколе. Ежегодно «Новартис» глобально разыгрывает 100 доз этого препарата для детей до двух лет. Каждый понедельник в лотерее побеждают два ребенка — их имени и гражданства организаторы не видят, только присвоенный пациенту номер.

Лотерея прошла 14 сентября, а 17-го Эвелине позвонили...

Она лежала рядом со спящей Анелией и, как обычно, что-то читала в телефоне: как еще собрать денег, что еще можно сделать... И тут звонок с незнакомого номера: «Вы «Золгенсму» выиграли!»

Сегодня шесть детей в России ждут «Золгенсму».

«В первый день после того, как мы узнали, что выиграли, я проснулась с легкостью в душе: не надо думать, откуда брать деньги, как привлечь внимание. Я теперь просыпаюсь утром и знаю, что нас этот укол ждет, и думаю о реабилитации. Для меня после того, что мы пережили, это уже приятные хлопоты. У меня и планы есть, жизнь впереди теперь с красками».

О том, что Анелия выиграла в лотерею жизнь, волонтеры узнали из социальных сетей. И целой толпой приехали домой к Дамиру, Эвелине и Анелии — с цветами и огромным плюшевым медведем. «Это были такие искренние слезы, они плакали, как будто они родители дочки! Говорили, что это чудо, что они верили, что Анелия будет жить. Они благодарили нас за то, что мы смогли это все перенести, потому что не все родители решаются на такое».

А что с деньгами? За два месяца собрали 9,5 млн рублей. 17 сентября Эвелина и Дамир закрыли сбор и заморозили счет.

Эвелина говорит, что они не будут распоряжаться деньгами, пока Анелия не получит укол (вдруг понадобится оплачивать транспортировку или что-то еще). Часть суммы оставят на оплату реабилитации девочки, а остальные деньги отдадут башкирским детям с диагнозом СМА, которые не выиграли лотерею и продолжают собирать средства. Это двухлетняя Амира и восьмимесячный Оскар.

Эвелина признается, что эти месяцы очень изменили их с Дамиром. «Мы повзрослели за один день. Раньше казалось, что хочется погулять, развлечься, сейчас этого нет, мы эти месяцы даже телевизор не смотрели ни разу. Мы теперь знаем, что есть жизнь, которую можно потерять».

Виктория МИКИША,
фото **Влада ДОКШИНА,**
«Новая»

P.S. ***История Анелии — это счастливая судьба пациента со СМА. Девочка получит заветный укол и будет жить. Но ее спасло не государство, а лотерея — случай, удача, счастливая звезда. И нужно помнить, что тех больных СМА, кто в лотерею не выиграл себе жизнь, — сотни. Детей и взрослых. Возможно, тысячи. Они умирают прямо сейчас, с каждым месяцем теряя возможность сидеть, двигаться, говорить и дышать.***

Когда правительство прислушается к комиссии Минздрава и внесет «Спинразу» в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов? Будет ли создан специальный фонд для закупки дорогостоящих препаратов совместно федеральным и региональным бюджетами, который предложила вице-премьер Татьяна Голикова и поддержал Путин? Почему обеспечение больных одним из самых дорогих лекарств в мире до сих пор лежит на регионах с маленькими бюджетами? И когда жизнь и здоровье детей станут приоритетом не только на страницах новой Конституции, но и при распределении бюджетных денег?

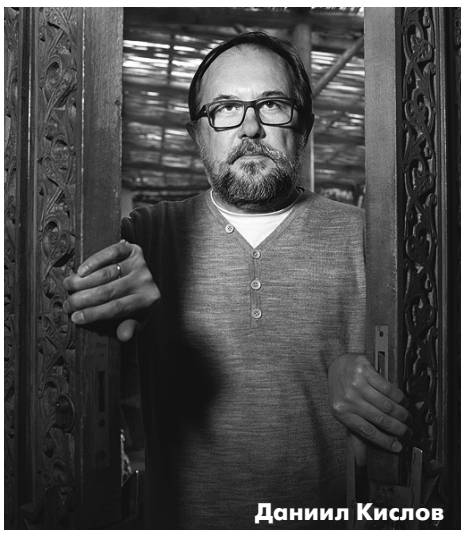
«ФЕРГАНА» КАК

История сайта, который сделал тему мигрантов из Центральной Азии важной для россиян, а теперь на грани закрытия из-за «потери интереса» со стороны инвестора и войны с Роскомнадзором

Крупнейший российский сайт, пишущий о проблемах трудовых мигрантов и о новостях Центральной Азии, — информационное агентство «Фергана» — с середины августа лишился почти всех своих сотрудников: им было предложено уволиться после того, как выяснилось, что ресурс испытывает проблемы с финансированием. Уже год «Фергана» блокируется Роскомнадзором, представители которого готовы объяснять свои претензии к изданию только в результате долгих судебных тяжб, и даже после удаления запрещенной информации продолжают блокировать доступ к основному адресу сайта (ответные иски редакции к РКН оставляются без рассмотрения).

«Фергана» — уникальный ресурс, самый первый, самый крупный и долгое время едва ли не единственный сайт в России, который приучал читателей к тому, что мигранты из Центральной Азии — это не рабочая сила и не «низший класс», а часть российского общества. Спецкор «Новой» Вячеслав Половинко восстановил историю «Ферганы» от ее рождения как краеведческой страницы в интернете до грозы азиатских диктаторов.

Предупреждение о возможном конфликте интересов: автор этого текста в 2018 году публиковался на сайте «Ферганы» и находится в доброжелательных отношениях с бывшими и оставшимися сотрудниками ресурса.



Даниил Кислов

Часть 1. Кислов и пресса

Неформальная история сайта «Фергана» началась еще до появления в массовой культуре интернета — в 1983 году, когда молодой студент Ферганского педагогического института Даня Кислов отказался ехать со всеми собирать хлопок. Для Узбекской ССР, а позже и независимого Узбекистана, такой шаг сродни заявлению о намерении совершить госпереворот: хлопок в республике — ключевая отрасль экономики. Впервые выгонять бюджетников на поля для сбора хлопка в интересах легкой промышленности СССР стали в конце 40-х, а к концу 80-х выросло целое поколение людей, которые стали воспринимать осеннюю поездку на два-три месяца в чистое поле с ночевкой в спортзале районной школы как часть обычной жизни. «На хлопке» зарабатывали не деньги, а простуду и дизентерию, зато для многих в этом была романтика: люди знакомились и заводили отношения, пели песню под гитару у костра, пили портвейн и веселились по вечерам. Очень похоже на студенческие поездки «на картошку» — с той лишь разницей, что собирать хлопок ездила вся республика, включая порой детей и стариков.

Первокурсник Даня Кислов не был классическим диссидентом (папа — инженер-коммунист, мама — детский врач), разве что вместе со старшим братом состоял в неформальном ферганском литературном обществе: там читали «Над пропастью во ржи» и «Бойню номер пять», смаковали Элиота и восторгались Кортасаром. Может, из-за удивления таким демаршем на первом курсе Кислову все простили, зато в следующем году после такого же заявления выбросили его из вуза с волчьим билетом и трехэтажным матом от декана на прощание. Волчий билет трансформировался со временем в воинский. Служба проходила в Москве, но первая попытка осесть после армии в столице прервалась из-за смерти матери Кислова в начале 90-х. Пришлось вернуться в Ташкент и устроиться по протекции известного писателя Шамшада Абдуллаева редактором отдела прозы в знаменитый на весь мир (и почти не признаваемый в Узбекистане) литературный журнал «Звезда Востока».

Так Кислов оказался близко к журналистике, однако все еще был далек от каких-то политических тем: журнал «Звезда Востока» имел отношение к политике лишь тогда, когда республиканские власти костерили его за отсутствие текстов местных авторов. По сути, для Кислова эта работа стала способом выживания в новой старой реальности.

«Узбекистан — наверное, одно из немногих новых государств после развала Союза, кто не пережил эпохи гласности и перестройки. Страна оставалась кондовой, — вспоминает Кислов. — В Узбекистане появилась какая-то пресса, появились журналы, независимые политические партии. Но уже в 1993 году вся демократия, все эти игры в партии — все было схлопнуто. Падение общего уровня жизни было налицо. Когда появилась национальная узбекская валюта — сум, — она девальвировалась просто моментально».

Зарплата редактора журнала выглядела внушительно: огромная пачка денег. В пересчете на твердую валюту она составляла около 100 долларов. Пока на это можно было жить втроем с женой и ребенком, Кислов продолжал жить в Ташкенте. Когда денег и перспектив стало не хватать, уже редактор, а не солдат-срочник, отправился покорять российскую столицу снова.

Кисловы с помощью друзей устроились работать в Агентство обзора прессы WPS. «Это была одна из первых в России структур, которая собирала дайджесты на разные темы из всех газет России и даже из газет СНГ: права человека, оборона и безопасность, инвестиции, экономическая тематика всякая» — говорит Кислов. В Агентстве раньше остальных появился доступ в интернет — и, заглянув в него, Кислов понял, что он хочет делать.

«Мне было дико интересно узнать, есть ли какая-нибудь информация в интернете про мой родной город. Тогда не было поисковых систем, была лишь система AltaVista. Я набрал «Фергана» в двух вариантах — через gh и без h — и обнаружил 278 упоминаний, в которых повторялось практически одно и то же: это были какие-то статьи из университетских журналов и были какие-то публикации о том, что вот Ферганская долина расположена там-то, — и больше ничего особенного не было», — вспоминает Кислов.

Ностальгические чувства к родному городу побудили Даниила засесть за создание некоей страницы о Фергане, на которой любой желающий мог бы получить максимально полную информацию об истории и культуре города через призму того, как его помнил он сам. Там были публикации из «Звезды Востока», фотографии работ ферганских художников, рассказ о знаменитом путешественнике Жозефе Наполеоне Мартене, который умер в городе по дороге домой из Китая.

Так в начале 1998 года появилась «Фергана». Будучи культурно-исторической страницей, она привлекала ежедневно пять-шесть посетителей. Кислов был счастлив. Эта идиллия продолжалась до первой крупной центральноазиатской вылазки исламистов.

Часть 2. Экспансия

В начале августа 1999 года боевики Исламского движения Узбекистана (организация признана террористической и запрещена в РФ) при вероятном содействии Аль-Каиды (признана террористической и запрещена в РФ) захватили в плен акима Баткенского района Ошской области Кыргызстана, а также нескольких сотрудников Министерства национальной безопасности страны. Задачей террористов, пришедших в Кыргызстан из Таджикистана, было проложить себе дорогу через Ферганскую долину в Афганистан: заложники в обмен на зеленый коридор.

Однако если Кыргызстан был готов на переговоры, то президент Узбекистана Ислам Каримов, который предупреждал о международном терроризме, выступая в ООН задолго до 11 сентября 2001 года, с согласия соседей нанес по ущелью, где засели террористы, авиаудары (официально погибшими считаются 48 человек: ударами было задето несколько кишлаков, в которых находились мирные жители; кроме того, в перестрелках с боевиками погибло несколько десятков военных). Позже к зачистке присоединилась и Россия. К концу сентября вся ячейка боевиков была обезврежена, однако в следующем году боевики вторглись в Баткен снова, захватывая по дороге большое количество заложников.

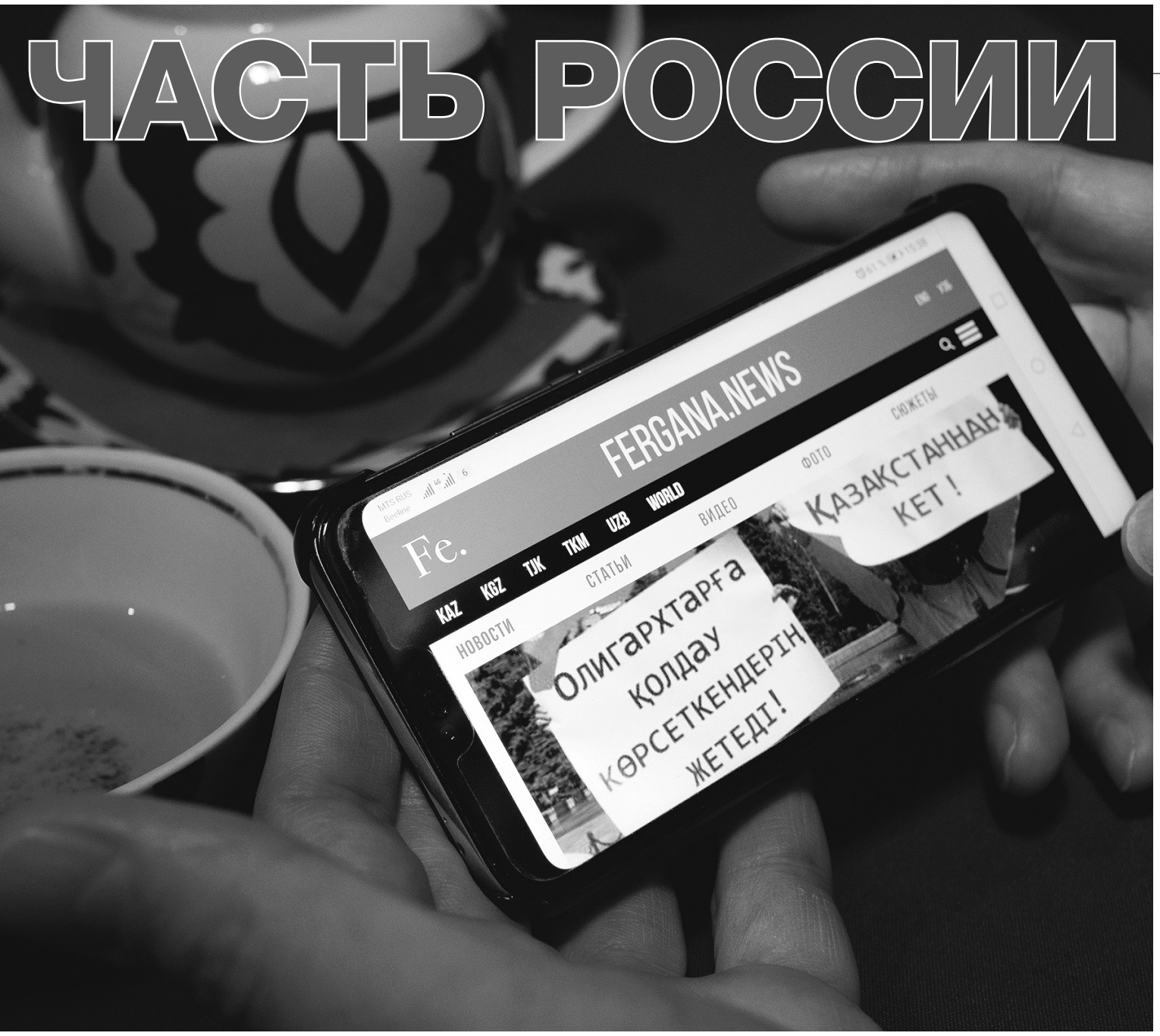
Создатель культурологической страницы «Фергана», Кислов воспринял Баткенские события как личную драму: в этом ущелье он в детстве гулял со своим отцом. Работая в агентстве, которое аккумулировало дайджест мировых СМИ, Кислов стал публиковать копипаст статей о Баткене у себя на странице, выделив их в раздел «Новости». На следующий день после нововведения пять-шесть читателей превратились в сто, а уже через месяц — в тысячу. «Потом Баткенская война кончилась, а интерес к новостям остался», — объясняет Кислов.

На волне Баткенских событий Кислов купил домен «Фергана.ру», но на какое-то время сайт вернулся в прежнее вегетативное состояние. Однако уже в 2000 году, приехав по делам в Узбекистан, Даниил рекрутировал несколько профессиональных журналистов для работы на себя. Поиски цвета ферганской глины для фона на странице не прошли даром: к тому моменту на родине страницу Кислова уже знали. «У меня не было денег, чтобы платить, но журналистам это тоже было интересно, они писали местные новости для интернет-аудитории», — вспоминает он.

То, что денег на гонорары в тот момент не было, — небольшое лукавство. Еще в 1999 году Кислов получил первый грант от фонда Сороса: на 2200 долларов. По своему собственному признанию, Даниил купил компьютер и оплатил хостинг на полгода, плюс небольшую сумму приносила баннерная реклама на сайте. Но стабильным потоком гранты потекли после регистрации сайта в качестве СМИ 10 августа 2001 года: теперь Кислова к тому же стали звать на многочисленные журналистские конференции, где тот стал искать новых сотрудников для себя — уже на оплачиваемой основе.

Когда в 2010 году случилась вторая Кыргызская революция, в городе Талас местные активисты забросали бутылками с зажигательной смесью местное УВД, протестуя против задержания своих сторонников, Кислов за полтора часа получил от местного «корреспондента Ирочки» 10 снимков с места событий. Ирочка получила 400 долларов, на следующий день два снимка были проданы Кисловым агентству EPA за 2000 долларов. Когда в Южно-Казахстанской области в 2015 году вспыхнули межнациональные столкновения, именно стрингер «Ферганы» первым предоставил исчерпывающий материал. На следующий день после выхода материала сайт «Фергана» на территории республики был заблокирован по распоряжению Комитета национальной безопасности. «Я считаю, это признание», — посмеивается Кислов.

ЧАСТЬ РОССИИ



Настоящее признание в России пришло к «Фергане» еще раньше: в 2005 году во время Андижанских событий в Узбекистане. Президент Ислам Каримов к тому моменту уже окончательно распрощался с мыслями о демократизации региона и всячески кошмарил население и бизнес, особенно выжигая напалмом всех, кто пытался проповедовать не признанные официально религии. 12 мая 2005 года в Андижане должно было состояться оглашение приговора 23 бизнесменам, обвиненным в экстремизме. Сторонники подсудимых собрали огромный митинг на площади, начались беспорядки. Озверевший от такой наглости Каримов прилетел в Андижан и дал приказ стрелять по митингующим с бэтээров. Официально погибло 187 человек, неофициально — до полутора тысяч.

«Фергана» добросовестно описывала все происходящее силами стрингеров, что позволяло сайту сообщать ту информацию, которой не было у крупных российских СМИ. Кроме того, вспоминает Кислов, канал снял сюжет об агентстве, и у узбекских властей сложилось впечатление, что «Фергана» является провокационным и раскачивающим лодку республиканской стабильности сайтом. После этого сюжета «Фергана» была тут же заблокирована почти на 15 лет, а все контакты с официальными лицами мгновенно прекратились. Лишь в 2007 году к Кислову приезжал гражданский муж старшей дочери президента Узбекистана Гульнары Каримовой. Он хотел купить весь сайт, но после категорического отказа со стороны Кислова ограничился лишь покупкой за 1000 долларов подписки на дайджест агентства на три ближайших месяца.

«Это великолепная история с блокировками. Нас заблокировали в Кыргызстане по постановлению парламента в 2010 году, а в 2018-м — по решению суда там же — за разжигание межнациональной розни. В Казахстане нас блокировали несколько раз. Любопытно, что последний раз нам доступ открыли, когда председателем КНБ стал Карим Масимов (бывший премьер-министр Казахстана, большой любитель интернета и гаджетов. — «Новая»). Туркмены блокировали и блокируют всегда. Таджикистан, на удивление, не блокирует и, более того, аккредитовал нашего корреспондента год назад», — перечисляет Кислов.

Спустя 15 лет после первой крупной блокировки на территории Средней Азии российский сайт «Фергана» начали блокировать в России.

Часть 3. Зенит

Несмотря на то что сайт «Фергана» был зарегистрирован в России, он воспринимался как узконаправленный ресурс, рассчитанный исключительно на аудиторию азиатской части СНГ. После Андижанских событий многие и вовсе ошибочно стали полагать, что Кислов сбежал из Узбекистана, спасаясь от репрессий. Осознание сайта российским ресурсом произошло в тот момент, когда «Фергана» начала активно писать о трудовых мигрантах на территории России. По мнению профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге ученого-этнолога Сергея Абашина, ключевую роль в «россиизации» сайта сыграла журналистка «Ферганы» Екатерина Иващенко.

Дочь советского офицера, Иващенко долгое время жила в Кыргызстане и работала на местные не очень крупные медиаструктуры. В 2009 году «Фергана» взяла ее к себе на работу собственным корреспондентом. Спустя 8 лет Иващенко вернулась в Россию и в январе 2017 года по предложению Кислова начала планомерно вести тему трудовой миграции в стране.

Довольно быстро стало понятно, что тональность текстов «Ферганы» о трудовых мигрантах — сочувственная и понимающая — не совсем соответствует тому, что происходит в остальных медиа. Затем «Фергана» вывела формат работы с мигрантами в офлайн за счет создания в 2018 году «Дома Ферганы» в Сретенском переулке: в специально оборудованном помещении проходили культурные и просветительские мероприятия о мигрантах и для мигрантов.

«Дом Ферганы» стал осязательным воплощением успешности ресурса. К этому моменту «Фергана» стала известна на весь мир во время событий конца августа 2016 года, когда в Узбекистане умер Ислам Каримов: именно корреспонденты Кислова доказали, что узбекский президент скончался на четыре дня раньше официального объявления, но в его аппарате решили не портить людям празднование Дня независимости. Такие эксклюзивы помогли привлечь крупного инвестора к проекту. Приход больших денег, однако, стал началом конца.

Часть 4. Добро пожаловать в Россию

Поиск денег на жизнь ресурса стал для Кислова головной болью еще в 2013 году: до этого момента «Фергана» спокойно жила на западные гранты, но с введением в июле 2012 года закона «об иностранных агентах» приход несвятой троицы — ФСБ, налоговой и прокуратуры — стал делом времени. Правда, когда они все-таки пришли за «Ферганой», это было «по лайту», вспоминает Кислов: «Они проверили всю документацию, увидели, что мы получаем гранты. Но нам очень повезло, что мы не получали к этому времени деньги по техническим каким-то причинам в течение полугода, и все ограничилось выговором: я сам себе как руководитель вынес выговор за то, что принимал «иностранные деньги».

Несколько лет после этого сайту удавалось жить на накопленные средства, сильно при этом ужавшись, а после истории со смертью Каримова в редакцию пришел «очень порядочный частный инвестор». Его имя никто в «Фергане» не называет. «Порядочный инвестор» предложил купить у коллектива «Ферганы» 75% акций издания с обещанием финансирования, сохранения за Кисловым поста директора и невмешательства в редакционную политику. Тогда это казалось редакции подарком судьбы, и она дрогнула.

Первое время все действительно было отлично. У «Ферганы» появились крупные рекламодатели. К концу 2019 года годовая выручка агентства составляла почти 43 миллиона рублей.

Но последний год нанес по «Фергане» два сильнейших удара, от которых она пока не оправилась.

Во-первых, с октября 2019 года сайт и большинство его зеркал начал упорно блокировать Роскомнадзор. Причем блокировка началась «без объявления войны»: в РКН редакции заявили, что «уведомляют провайдера» о всех нарушениях. «Но провайдер — это, условно говоря, облако, приписанное к юридическому французскому адресу: там просто не понимают, что такое РКН, пусть даже они и напишут им письмо на английском языке», — кипятится Кислов. Редакция с помощью всех возможных ухищрений и переговоров через суд выяснила, что так возмутило Роскомнадзор: это была какая-то новость многолетней давности о самоубийстве мигранта (указывался способ самоубийства). Однако даже удаление запрещенного в России контента не помогло: РКН продолжил блокировать ресурс, все время ссылаясь на новые и новые найденные незаконные на сайте тексты.

Сейчас основной сайт «Ферганы» по-прежнему заблокирован, и теперь Кислов уже не понимает, за что именно. Подобная нестабильность не очень вдохновила рекламодателей, и они очень прекратили сотрудничество. Кислов полагает, что дело вовсе не в запрещенной информации: возможно, причина блокировки в том, что об этом надзорное ведомство «попросили представители одного из дружественного России государств», — не уточняя ни названия государства, ни мотивов блокировать «Фергану».

Второй удар нанес «чудо-инвестор». Пандемия коронавируса, по словам Кислова, сильно подкосила финансовое состояние главного акционера. Финансовая подпитка резко прекратилась, и коллектив редакции был отправлен в неоплачиваемые отпуска почти на полгода, а после этих отпусков большинству сотрудников посоветовали искать другую работу. Сейчас сайт «Фергана» объявил краудфандинг, но он почти не дал результатов, даже несмотря на забавное объявление об этом в американской газете узбекской диаспоры «Бухариан Таймс».

По иронии судьбы накануне «предполагаемой смерти» сайта МИД Узбекистана выдал официальную аккредитацию уже второму корреспонденту «Ферганы». В самом Узбекистане «Фергана» больше не блокируется.

Эпилог

Сейчас сайт «Фергана» Кислов поддерживает фактически в одиночку. Даниил уверен, что в случае, если удастся найти деньги на погашение долгов (как стало известно «Новой», речь идет о сумме в несколько миллионов рублей), коллектив будет готов вернуться. «До сих пор оставалось лишь несколько СМИ, работающих на Центральную Азию, которые выдерживали профессиональный стандарт подачи новостей. Мы берем новости и переписываем их нормальным русским языком. Местечковость, провинциальность местных СМИ мы переделываем в нормальный читаемый формат, в читаемый и переводимый на английский язык, доступный и возможный для понимания международной аудиторией. И делаем это лучше всех», — Кислов по-прежнему говорит о «Фергане» исключительно в настоящем времени.

Что точно смогла сделать «Фергана», так это пробудить и развить интерес к Центральной Азии у россиян. Да, это все еще во многом интерес к «диковинным новостям», но он растет.

Вячеслав ПОЛОВИНКО,
фото **Анны АРТЕМЬЕВОЙ,** «Новая»

Фото автора

Юлия Мирзалиева с дочерьми Полиной и Лизой

«ЗА ФОРМИРОВАНИЕ НЕГАТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ К СТРАНЕ»

Органы опеки пытаются отнять детей у матери-одиночки

40-летняя Юлия Мирзалиева — худенькая невысокая женщина с вьющимися русыми волосами. Она юрист с 10-летним стажем и многодетная мама. Сейчас вместе с тремя детьми живет в Костроме в однокомнатной квартире. За аренду и коммунальные услуги платить не может — нечем. Женщина лишилась почти всего имущества и постоянной работы. Теперь у нее хотят отобрать и детей.

Крошечная комната с потрепанными обоями заставлена коробками и папками с документами. Старшая дочь, 15-летняя Полина, спит на кресле-кровати. 13-летняя Лиза и 9-летний Эмиль обычно засыпают вместе с мамой на раздвижном диване. Раскладушка, на которой обычно спал мальчик, сломалась.

Я приезжаю к ним за день до заседания по ограничению Юлии в родительских правах. Иск — третий по счету — подало в суд Управление опеки и попечительства администрации Костромы. Среди претензий — отсутствие у матери постоянной работы, «неприязненные высказывания» в адрес государства и «формирование у детей негативного отношения к окружающим и стране в целом».

Накануне суда Юлия волнуется.

— Когда я сильно переживаю, то начинаю готовить. Меня это успокаивает, — говорит женщина, доставая из старой духовки огромный противень с выпечкой.

Я спрашиваю, что же все-таки произошло в семье. Юлия нервно улыбается, наливает себе кофе с молоком и начинает рассказ.

В моем детстве нет светлых пятен

Юлия родилась в 1980 году в селе Веренка в Казахстане. Когда девочке было три года, родители Вера и Николай Уйменовы переехали в Карелию. Спустя несколько лет семья перебралась в поселок Зарубино Костромской области.

Юлия говорит, что была «нежеланным ребенком».

— В моем детстве нет светлых пятен, — вспоминает она, плотнее закутываясь в желтый махровый халат. — Отец — алкоголик. Мать все время рукоприкладствовала. Жестокое обращение длилось годами, десятилетиями. Я помню эти четыре стены, из которых некуда было деться. Ты все время будто ищешь пятый угол.

В 20 лет Юлия, студентка Современного гуманитарного института, вышла замуж за студента костромского энергетического техникума Федора Кочетова — как она говорит, чтобы «сбежать от домашних».

В первый год после свадьбы у молодой пары родился сын Александр. Федор регулярно подавал на развод, Юлия этому не противилась. Но когда подходило время идти в суд, муж «приходил мириться». Обычно это происходило перед призывом в армию.

В 2004 году у Юлии должен был появиться второй ребенок — Полина. Она была на восьмом месяце беременности, когда решила навестить родителей в Зарубине после очередной ссоры с мужем.

— Мать прилетела домой злая из-за семейных разборок. Начала на мне срываться. Она старалась расцарапать лицо, выдрать волосы и ударить в живот. Я не могла дать ей сдачи: мне стыдно, я же дочь, а она — мать, — рассказывает Юлия.

После этого случая Юлия впервые пожаловалась в полицию на побои со стороны матери. Судебно-медицинская экспертиза (документ имеется в распоряжении «Новой») зафиксировала у беременной многочисленные кровоподтеки, ссадины и царапины на лице и шее. Обращение в полицию ничего не дало.

Через три года Юля родила еще одну дочку — Лизу. А Федор обвинил жену в том, что она регулярно «гуляла с другими мужиками, ходила по кабакам, пила водку», и отказался признать отцовство.

Чтобы установить отцовство, Лизе пришлось пройти молекулярно-генетическую экспертизу, которая подтвердила: Федор — папа девочки.

Затыкала мне рот валенком

Когда Лизе исполнился год, Кочетовы окончательно развелись. Юлия была вынуждена вернуться к родителям в Зарубино. В то время она работала юристом на одном из костромских предприятий пищевой промышленности. Многодетная мама платила за квартиру, покупала продукты и помимо троих детей содержала своих родителей, на тот момент безработных. За то, что Юлия пользовалась бытовой техникой, Вера Уйменова просила рассчитывать стоимость износа. За отказ угрожала опекой или лезла с кулаками.

Причем не только на дочь, но и на внуков.

— Все детство бабушка меня регулярно била, — говорит 15-летняя Полина Кочетова, высокая девушка с крашеными в блонд волосами. Она сидит на кухне, обнимая маму. — Бабушка била меня по голове, била бутылкой, душила за то, что я опоздала домой на пару минут.

— Дедушка постоянно находился в состоянии алкогольного опьянения, в пьяном виде целовал меня и языком облизывал губы, что мне очень не нравилось, — рассказывала Лиза позднее в показаниях следователю. — Он вел себя агрессивно, ругался матом, ломал мебель, бил посуду. Один раз дед рукой схватил меня за шею и толкнул так, что я ударилась головой о подлокотник дивана. В другой раз он душил меня из-за того, что я ссорилась с Сашей и кричала. Бабушка часто ругалась, обзывалась, а когда я плакала, то затыкала мне рот валенком.

Из-за постоянного стресса у Полины развилось недержание, а у Лизы появилась астма. Девочку неоднократно госпитализировали с острыми приступами. Болезни Полины и Лизы исчезли только после того, как они переехали из Зарубино в соседнюю деревню Коряково.

По словам Юлии, отец никогда за дочерей не заступался, не интересовался их жизнью, алименты перечислял нерегулярно.

опыт частного сопротивления

Как рассказывала Лиза следователям, однажды Федор высморкался в платок и пихал его девочке в лицо со словами: «На, поешь». Сам Кочетов назвал на суде слова дочери бредом.

Лиза и Полина стали избегать встреч с отцом.

Федор утверждал, что причина — в негативном влиянии матери. «Независимые лица подтвердили, что Кочетову не чинились препятствия в общении с детьми, — возражает Юлия. — Из образовательных организаций я получила ответы, что детьми он не интересовался. Там видели исключительно меня».

Пробелы в памяти

В 2010 году Юлия вышла замуж во второй раз — за Андрея Мирзалиева. В этом браке у пары родился сын Эмиль. Андрей был не раз судим за кражи и пьяный угон автомобилей. Юлия развелась с ним в 2019 году. Сейчас Андрей отбывает очередной срок.

— Я не оправдываю поступки своего второго мужа. Но, несмотря на все отрицательные характеристики, он оказался первым человеком, от которого я увидела к себе человеческое отношение, — рассказывает Юлия. — Он все время меня морально поддерживал: «Ты умная, ты прорвешься, давай!»

Юлия говорит, что ее второй муж «больше чем на полгода на свободе никогда не задерживался». Она была вынуждена работать по 17 часов в день, иногда круглосуточно. «Чтобы заработать денег побольше, надо пахать побольше».

В октябре 2015 года Юлия задерживалась в офисе и не успевала забрать Полину и Лизу из школы, предупредила об этом администрацию и попросила не отпускать девочек домой до ее прихода. Когда она приехала в школу, там уже была полиция. На Юлию составили протокол по ст. 5.35 КоАП (неисполнение родителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию) и вынесли предупреждение.

— Позднее мне рассказали, что моя мать приходила в школу и дергала администрацию: якобы дети по моей вине ходят больные и голодные. Уговаривала отправить их домой на автобусе. Директриса психанула и позвонила в полицию, — говорит Юлия. — Участковый объяснял, что для привлечения по ст. 5.35 я должна была систематически нарушать обязанности. А тут я всего один раз опоздала в школу.

Тогда же, по словам Юлии, ее мать «начала настраивать» против нее старшего сына Сашу. Он действительно все больше времени проводил с бабушкой и дедушкой. Стал хуже учиться, пропускать уроки и регулярно дрался в школе. В летнем лагере во время ссоры поцарапал и покусал других ребят. Сашу поставили на психиатрический учет, он дважды лежал в больнице. Врачи объясняли его поведение органическим расстройством личности.

В феврале 2016 года 15-летний Саша отказался пойти в школу. «Я его схватила, рывком подняла и потащила на себе. В комнате он сильно навалился на меня. Я стала его от себя отталкивать, сильно испугалась, — вспоминает Юлия. — После этого он сел на диван, стал собираться в школу. Всю дорогу до автобуса шел как привязанный».

На следующий день юноша подал на мать заявление в полицию о побоях. Медицинское освидетельствование не подтвердило избиения. На суде Саша заявил, что не помнит, как Юлия наносила ему удары, сославшись на «пробелы в памяти».

Юлия перестала общаться с сыном. По решению суда Саша должен был переехать к отцу, но в итоге остался жить у бабушки с дедушкой. Школу окончил со справкой.

Даже соль не всегда была

Незадолго до этого, в декабре 2015 года, устав от постоянных издевательств и угроз со стороны родителей, Юлия подала заявление в Следственный комитет по Костромской области с просьбой возбудить против них уголовное дело.

— На 99 листах была изложена почти вся моя жизнь. Следователи не хотели его принимать, потому что оно не подходило под статью. Я сказала: «Делайте что хотите. Если сейчас никто не вмешается, то я буду болтаться в петле». В итоге я написала заявление о доведении до самоубийства, хотя покончить с собой даже попытки не было, — объясняет Юлия.

К тому моменту женщине с трудом удавалось платить за аренду квартиры в Костроме, куда она вместе с детьми переехала из деревни, выплачивать кредиты и содержать семью. Юлия начала ограничивать себя в еде, отдавая как можно больше своим детям. Из-за этого у нее появились приступы голода, которые продолжаются до сих пор.

В 2016 году Юлия попросила государство о социальной помощи.

— У нас действительно были ситуации, когда есть было нечего. Ни заварки, ни сахара, ни хлеба, даже соль не всегда была. Одна гречка. Я просила госорганы: давайте вы возьмете на себя хотя бы обязанность по обеспечению питанием до тех пор, пока я не обустроюсь.

Комиссия по делам несовершеннолетних поставила семью на профилактический учет в категорию «социально опасное положение» в апреле 2016 года. Юлию обязали «закодироваться», хотя она никогда не пила (это подтверждали родственники в судах). Сотрудники КДН потребовали купить постельное белье и одежду для детей, хотя тут же зафиксировали, что в доме есть на чем спать, а Полина, Лиза и Эмиль хорошо и со вкусом одеты.

«В целях профилактики» сотрудники комиссии начали наведываться на съемную квартиру с проверками. Как утверждает Юлия, они приходили в рабочее время, когда ее не было дома, а затем на суде заявляли, что женщина намеренно отказывалась открывать дверь. Реальную материальную помощь соцзащита не оказывала, утверждают Юлины дети.

— Я поступала в 9-й класс. Зачем мне тетрадь в косую линейку и канцелярский набор для детского сада? А потом ставят в вину, что нам не нравится такая помощь, — возмущается Полина.

— Если органы власти так остро реагируют на просьбу о помощи, то давайте я буду обращаться в фонды, — продолжает Юлия. — Нет, отвечают, идите в соцзащиту. А потом я получаю иск об ограничении родительских прав.

Не устраивает халатность чиновников

Первый подобный иск органы опеки подали в феврале 2018 года. Чтобы участвовать в судебном процессе, женщине пришлось уволиться с должности специалиста по финансовому мониторингу на ювелирном предприятии и съехать вместе с детьми со съемной квартиры в Костроме.

Неделю семья жила в православном приюте, где им «запрещали ложиться и садиться в светлое время суток». Нажитые вещи — одежду, мебель и бытовую технику — было решено отвезти на хранение в церковь по предложению одной из прихожанок. «А потом она создала ситуацию: либо вы сейчас приезжаете, либо я все раздаю».

Так семья лишилась почти всего имущества.

Впрочем, те же верующие нашли для Юлии однокомнатную квартиру, в которой она с детьми живет до сих пор. Собственницу жилья женщина никогда не видела, по всем вопросам общается с многочисленными посредниками.

Первое дело против Юлии было прекращено в связи с ликвидацией истца: Комитет опеки и попечительства преобразовали в управление. Второй иск был подан в августе того же года. Опеке было отказано в удовлетворении требований в полном объеме.

В январе этого года управление подало третий по счету иск об ограничении Юлии в родительских правах.

«Своим нежеланием трудоустроиться, формированием у детей негативного отношения к окружающим и стране в целом, влиянием на психологическое состояние детей (голодание на глазах у детей, побуждение к переписке) Мирзалиева Ю.Н. подвергает опасности жизнь и здоровье своих детей», — говорится в исковом заявлении (имеется в распоряжении редакции).

Все эти претензии Юлия отрицает.

Она действительно не работает по трудовому договору, но юридически сопровождает несколько дел. За это клиенты платят ей продуктами, одеждой, иногда деньгами. По словам Юлии, она отправляет резюме на вакансии по своей специальности, но пока официальную работу найти не удалось. «Если у меня опыт юриста в сфере финансового мониторинга, то меня не рассматривают на должности бухгалтера, экономиста, водителя и так далее».

Факты «негативных высказываний» в адрес государства, по словам Юлии, не нашли подтверждения в ходе судебных заседаний:

— Единственное упоминание о государстве связано с тем, что я называю себя нерусской и не желаю проживать в России, потому что здесь плохие условия. Но мое личное отношение к месту проживания, моя национальность, мое вероисповедание, мои политические взгляды и убеждения не могут быть признаком, указывающим на неисполнение мною родительских обязанностей.

Юлия настаивает на том, что не «вовлекает» Полину в переписку с госорганами — это самостоятельная инициатива дочери. В официальных письмах о помощи, которые вызвали недовольство опеки, девушка рассказывала о том, что ее мама страдает от голода, об отсутствии постоянного места жительства, о нежелании общаться с бабушкой, дедушкой и отцом, которые ее избивали в детстве.

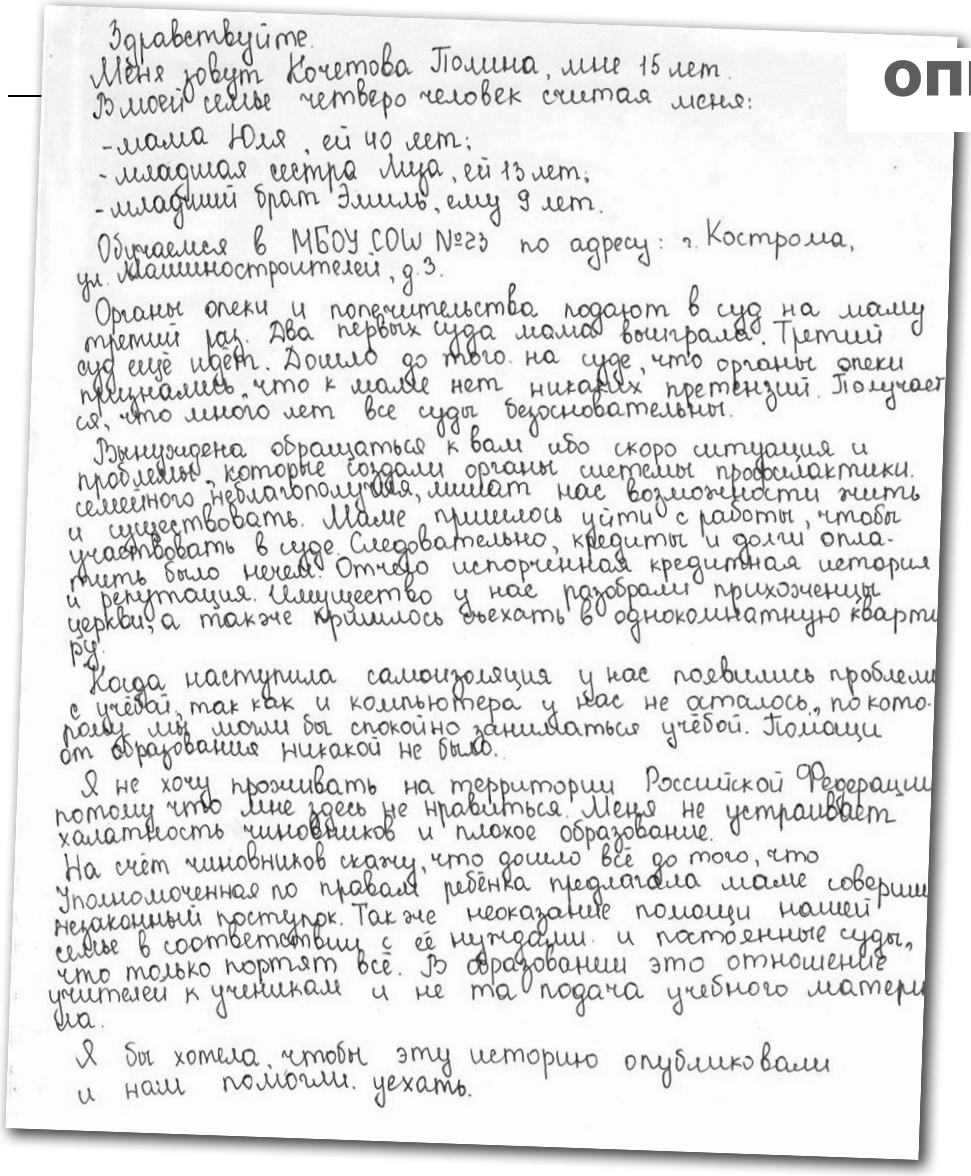
— Сколько можно все это терпеть? — спрашивает Полина.

В письме в редакцию «Новой» девушка писала, что не хочет жить в России, потому что ее «не устраивает халатность чиновников и плохое образование». Полина говорит, что хотела бы уехать вместе с семьей в русскоговорящую страну: Казахстан, Беларусь или Украину.

Продолжение материала Елизаветы КИРПАНОВОЙ —

СТРАНИЦА 18 ⇨

опыт частного сопротивления



Здравствуйте.
Меня зовут Кочетова Полина, мне 15 лет.
В моей семье четверо человек считая меня:
- мама Юля, ей 40 лет;
- младшая сестра Лиза, ей 13 лет;
- младший брат Эмиль, ему 9 лет.

Обучаемся в МБОУ СОШ №23 по адресу: г. Кострома, ул. Машиностроителей, д. 3.

Органы опеки и попечительства подают в суд на маму третий раз. Два первых суда мама выиграла. Третий суд ещё идёт. Дошло до того на суде, что органы опеки признались, что к маме нет никаких претензий. Получается, что много лет все суды безосновательны.

Вынуждена обращаться к вам ибо скоро ситуация и проблемы, которые создали органы системы профилактики семейного неблагополучия, лишат нас возможности жить и существовать. Маме пришлось уйти с работы, чтобы участвовать в суде. Следовательно, кредиты и долги оплатить было нечем. Отчего испорченная кредитная история и репутация. Имущество у нас разобрали приходящие церкви, а также пришлось съехать в однокомнатную квартиру.

Когда наступила самоизоляция у нас появились проблемы с учёбой, так как и компьютера у нас не осталось, по которому мы могли бы спокойно заниматься учёбой. Помощи от образования никакой не было.

Я не хочу проживать на территории Российской Федерации потому что мне здесь не нравиться. Меня не устраивает халатность чиновников и плохое образование.

На счёт чиновников скажу, что дошло всё до того, что Уполномоченная по правам ребёнка предлагала маме совершить незаконный поступок. Так же неоказание помощи нашей семье в соответствии с её нуждами и постоянные суды, что только портят всё. По образовании это отношение учителей к ученикам и не та подача учебного материала.

Я бы хотела, чтобы эту историю опубликовали и нам помогли уехать.

Сын Юлии Мирзалиевой Эмиль

⇦ СТРАНИЦА 17

«ЗА ФОРМИРОВАНИЕ НЕГАТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ К СТРАНЕ»

Претензий к тебе нет

17 сентября в Свердловском районном суде Костромы прошло последнее заседание по иску опеки к Юлии Мирзалиевой. Со стороны истца третьим лицом выступил отец детей Федор Кочетов, высокий, грузный мужчина в спортивной куртке и кепке. Со стороны ответчика в суд пришли Юлия и Полина. По видеосвязи из колонии участвовал второй бывший муж Юлии Андрей.

На заключительном заседании выступили эксперты Игорь Ювенский, судебный психиатр и главный врач Костромской областной психиатрической больницы, и психолог Ирина Черноус. Они провели заочную психолого-психиатрическую экспертизу. Какие документы они исследовали, Юлия до сих пор не знает. По словам женщины, она ни разу не видела этих экспертов раньше.

— По тем документам, которые нам были представлены, у Юлии Николаевны присутствуют признаки смешанного расстройства личности, — заявил Ювенский. — Это не тяжелая психиатрия. Мы считаем, что Юлия Николаевна по своему психическому состоянию опасности при совместном проживании с детьми не представляет.

Психиатр отметил, что у Юлии сложный, «демонстративно-шантажный характер», воинственное отношение к присутствующим в зале суда и «фиксированность на борьбе за свои права». По его словам, такое поведение отличается от общепринятой модели.

— А это не может быть профессиональное? — поинтересовалась Юлия. — Я защищаю не только свои права. У меня на сегодняшний день пять дел, и везде в качестве ответчика или привлекаемого лица выступают органы государственной власти. Единственное мое отличие — это принципиальность.

— Ваше восприятие такое, — отказался спорить Ювенский.

По мнению Черноус, модель поведения Юлии негативно отразилась на отношении Полины и Лизы к отцу — в психологии, как отметила эксперт, этот феномен называется «синдромом отвержения одного из родителей».

— Для благополучного психологического развития важно наличие позитивного отношения к обоим родителям, — констатировала Черноус. — Пока у нас есть претензии к родителям, мы не можем себя считать ни здоровыми, ни взрослыми.

Психолог добавила, что негативное отношение к отверженному родителю формируется чаще всего родителем-индуктором. В этом случае, по мнению Черноус, Полина и Лиза присоединились к мнению матери об их отце.

— То есть в любом случае виновата я? — усмехается Юлия. — По-вашему, я должна говорить детям, что сопли в лицо — это хорошо? Они испытывают дискомфорт [во время общения с родственниками]. Когда перестают с ними общаться — у них состояние творческого, душевного подъема. Мы сменили круг общения, и сейчас у детей есть достижения. Разве это ненормально?

Выслушав мнения экспертов, судья Ольга Тележкина перешла к прению сторон.

— На сегодняшний день появились ли неопровержимые доказательства того, что я жестоко обращаюсь со своими детьми? — поинтересовалась Юлия у представителей опеки.

— Вопрос по жестокому обращению здесь вообще не обсуждается.

— Появились ли у вас доказательства того, что дети не обеспечены минимальными жизненными благами?

— Нет таких доказательств.

— Появились ли у вас доказательства того, что я чиню препятствия, и если да, то в чем это выражается в общении отца с детьми?

— Вопрос о чинении препятствий не относится к иску.

— Появились ли у вас доказательства того, что я ненадлежащим образом исполняю функции родителя в области образования, здравоохранения, воспитания и обеспечения детей?

— Вопрос о неисполнении вами родительских обязанностей в течение судебных заседаний на сегодняшний день не обсуждался.

> «— Я ПОСТУПАЛА В 9-Й КЛАСС. ЗАЧЕМ МНЕ ТЕТРАДЬ В КОСУЮ ЛИНЕЙКУ И НАБОР ДЛЯ ДЕТСКОГО САДА? А ПОТОМ СТАВЯТ В ВИНУ, ЧТО НАМ НЕ НРАВИТСЯ ТАКАЯ ПОМОЩЬ, — ВОЗМУЩАЕТСЯ ПОЛИНА

— Вы чего хотите? — спрашивает Юлия у своего бывшего мужа. — Тебя устраивает твоя семейная жизнь?

— Семейная, допустим, устраивает, — медленно отвечает Федор.

— То есть все устраивает?

— Работа есть, крыша есть.

— Ко мне какие претензии?

— Нет претензий к тебе.

— Тогда я вообще ничего не понимаю! — почти кричит Юлия.

Выслушав вопросы со стороны ответчика, судья удалилась в совещательную комнату. Через 15 минут она вынесла решение отказать органам опеки в удовлетворении исковых требования. Дети остались с мамой.

Через несколько дней после заседания Юлия мне написала снова. Она беспокоится, что в мотивировочной части решения суда включили заключения психиатра и психолога, которые отличаются от того, что сказали эксперты на суде:

«В юриспруденции есть такое понятие, как преюдиция. То есть если я не опровергну эти факты, то они при вступлении решения суда в законную силу будут считаться де-юре доказанными и состоявшимися. В нашем конкретном случае — это признание меня психически больным человеком со всеми вытекающими последствиями и профилактическая работа по тем основаниям, которые перечислила противная сторона».

По словам Юлии, если ее поставят на психиатрический учет и отправят в больницу, детей «растаскают либо по приемным семьям, либо отцам, бабушкам-дедушкам». Ситуация осложняется еще и тем, что женщину попросили срочно покинуть занимаемую квартиру до конца месяца. Юлия считает, что «история совсем не закончилась».

Елизавета КИРПАНОВА,
спец. корр. «Новой», Кострома
Фото автора

Снимки несовершеннолетних детей публикуются с разрешения матери

P.S. ***«Новая» направила в костромские органы опеки запрос с просьбой уточнить, имеются ли претензии к Юлии сейчас. Редакция также попросила разъяснить, что конкретно послужило причиной для ограничения женщины в родительских правах, если на суде представители опеки признали, что претензий к ней никаких нет.***

ШАПОЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

Сложный путь и приключения калпака — национального головного убора кыргызов — в Москве

В крупнейшем национальном эпосе «Манас» говорится, что «кыргызы — это народ, носящий белый калпак, вершина которого белая, как вершины Тянь-Шанских гор, а основание — темное, как их подножия». Слово «ак», которое переводится как «белый», кыргызы используют в нескольких смыслах, кроме обозначения цвета: чистый, честный, священный. В отношении калпака используются чаще всего два значения: буквальное — «белый» — и символическое — «священный».

Ак калпак — не просто шапка, у кыргызов к нему особое отношение:

- свой калпак нельзя передаривать — только передавать из поколения в поколение;
- он всегда должен быть чистым;
- его нельзя бросать, вертеть;
- снимать головной убор нужно только двумя руками и класть на специальное место или рядом с собой;
- того, кто потерял калпак, обязательно ждут неприятности.

Калпак шьют из четырех клиньев, расширяющихся книзу. Узоры традиционно вышивают шелковыми нитями, поля чаще всего оторачивают черным бархатом, верх украшают кисточкой, которая свисает спереди. В 2011 году в Кыргызстане был учрежден День ак калпака, который ежегодно отмечается 5 марта.

Калпак имеет много разновидностей, раньше по высоте и оформлению головного убора можно было немало узнать о человеке. Например, представители знати или артисты носили калпаки выше тех, что надевали простые люди. Калпаки «на выход» изготавливались из дорогого тонкого войлока и хорошего бархата и украшались особыми узорами, а на свадебном калпаке жениха вышивали белые узоры.

Приключения калпака в Москве

Еще в середине нулевых человек в калпаке даже в Москве был в диковинку. Председатель московского регионального отделения общероссийского кыргызского конгресса **Марсель Салахунов**, живущий в Москве с 2006 года, вспоминает, что даже сам удивлялся, когда видел на улице соотечественников в национальном головном уборе. «Помню, я однажды увидел в метро мужчину в калпаке. Я его сфотографировал и выложил снимок в соцсетях. Столько было лайков и репостов, людям было приятно! А сейчас это обыденная вещь и многие ходят в калпаках, особенно на культурных и спортивных мероприятиях, праздниках и собраниях диаспоры. Да и в повседневной жизни его носят», — говорит Салахунов.

Приехавший в Москву впервые в 2009 году кыргызстанец **Азамат Адылгазиев** объясняет, почему людей в калпаках на улицах столицы сначала почти не было, а потом вдруг их количество стало расти: «Тогда другая ситуация была. Мы только-только адаптировались и больше работали, чем вещи искали себе. Миграция была не такой масштабной. А потом выросло второе поколение мигрантов, люди стали жениться и проводить другие мероприятия, на которых не стеснялись показывать свои традиции».

До определенного момента свою национальную идентификацию даже при большом желании приходилось все же купировать: человек в калпаке становился легкой добычей для скинхедов и неонацистов.

«Тогда мигранты лишний раз на улицу старались не выходить. А сейчас выросли дети тех, кто приехал сюда работать, они чувствуют себя здесь даже комфортнее, чем в Кыргызстане, и запретов и условностей [в ношении национальных предметов одежды] для них нет», — добавляет Адылгазиев.

РИА Новости

справка «новой»

АК КАЛПАК, ИЛИ ПРОСТО КАЛПАК — ЭТО ГОЛОВНОЙ УБОР, СДЕЛАННЫЙ ИЗ БЕЛОГО ВОЙЛОКА С ЧЕРНЫМИ БАРХАТНЫМИ ОТВОРОТАМИ. В НАРОДНОМ КЫРГЫЗСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ ЕГО ФОРМУ СВЯЗЫВАЮТ СО СНЕЖНОЙ ВЕРШИНОЙ — ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ОЧЕНЬ ПОХОЖЕ НА ГОРУ.

Иными словами, произошло вот что: кыргызы ассимилировались в России, а потом поняли, что тоже имеют право на национальное самовыражение. Калпак стал одновременно вызовом для остальных и опорой для самих себя. «Ношение таких вещей связано с процессом идентификации в сложных городских условиях. Переехав в большой город, мигранты чувствуют себя неуверенно. То, что им нужно, — это найти точку опоры, которая зачастую оказывается их номинальной этнической категорией. Символика — это атрибут такой категории, и ее ношение является сообщением двум адресатам. Первый адресат — это другие кыргызы, и им сообщается что-то типа «мы едины». Второй адресат — это окружающие некыргызы, которым сообщается, что «мы есть», — говорит руководитель Центра исследований миграции и этничности РАНХиГС Евгений Варшавер.

Свой в шапку

«Если я вижу человека в калпаке, то знаю, что это кыргыз, что он знает свою культуру и ценности и бережет их, — говорит Азамат Адылгазиев. — Калпак — как флаг. Любой человек, увидев в другой стране свой флаг, испытает теплые чувства, начнет улыбаться. То же самое и с калпаком».

Председатель московского отделения кыргызского конгресса Салахунов называет калпак идентификатором народа. Как правило, у кыргыза головной убор не один. Причем калпаки вполне могут быть и у некыргызов, ничего предосудительного в этом нет. «Обычно их дарят людям старшего поколения или виновнику торжества. Не редкость, когда мы их дарим и некыргызам. Происходит это на мероприятиях диаспоры, куда мы приглашаем представителей других национальностей и конфессий. Это обязательный ритуал и дань уважения гостю — надеть на человека калпак, чапан и дать в руки камчу», — объясняет Салахунов.

Ходить по таким тусовкам, однако, совсем необязательно. Недостатка в головных уборах с национальной символикой Кыргызстана в Москве нет. Купить калпак можно не только на популярном у мигрантов рынке «Садовод», но и в разбросанных по городу магазинах продуктов и товаров из Кыргызстана, и даже на Авито.

Шесть лет назад магазин национальных товаров открыл и Азамат Адылгазиев. «Все началось с футболок с надписью Kyrgyzstan. Затем мы решили продавать платья с национальным орнаментом, которые обычно надевают на свадьбы и «кыз узатуу» (проводы невесты). А тут запрос и на калпаки пошел», — говорит он. Адылгазиев периодически участвует со своим товаром в ярмарках. На последней ярмарке на ВДНХ только калпаков им было продано 60 штук. По словам предпринимателя, 95% покупателей — его соотечественники. Цена за один калпак варьируется от 200 до нескольких тысяч рублей. Дорогие, более качественные головные уборы люди, как правило, покупают себе. А на мероприятия, где калпаки бесплатно раздают гостям, берут продукцию подешевле. В месяц Азамат продает по 200–250 изделий.

Остальные 5% покупателей берут калпаки, чтобы подарить коллегам на работе, иногда подобные головные уборы покупают люди с Кавказа, периодически их берут те, кто едет в Дагестан.

Разумеется, сам Азамат тоже носит калпак, два головных убора у него всегда лежат в машине. Надевает он их, правда, в случае, если идет в родное посольство или на какое-то мероприятие. В повседневной жизни Адылгазиев предпочитает кепки, на которых написано KG или Bishkek.

Не калпаком единым

Исследователь миграции Евгений Варшавер обращает внимание, что калпак — не единственный предмет самоидентификации кыргыза в России. Кроме калпаков, не менее популярны футболки с надписями, а в эпоху коронавируса — маски с флагом Кыргызстана. Варшавер говорит, что «ношение национальной символики — это скорее московская картинка, потому что Москва в каком-то смысле кыргызский город и сюда кыргызы едут активнее, чем в другие города». В том же Санкт-Петербурге кыргызских мигрантов в два раза меньше, чем стоило ожидать, если бы мигранты были пропорционально распределены по регионам, добавляет Варшавер.

«Интересно, что почти никто не носит такие футболки в самом Кыргызстане. Их носят в Москве, чтобы как-то представиться и объединиться в сложных условиях полиэтничного города», — объясняет исследователь. Сам он тоже носил футболку с флагом Кыргызстана в Москве, и она «всегда вызывала яркие и положительные эмоции у кыргызов». Но с футболкой попроще, а вот калпак часто путают с шапкой для бани, и это может привести к разного рода казусам.

«У радикально-патриотического человека такое отношение к символам другого народа вызывает недоумение. Однажды мы с друзьями увидели в Сандунах людей в калпаках, сделали небольшое замечание и объяснили, что это наш национальный головной убор. Люди извинились и сказали, что будут знать. Могу сказать, что москвичи — толерантный народ и уважают нашу культуру», — говорит Марсель Салахунов.

У калпака есть только один потенциальный изъян: человек в нем слишком заметен для полиции, которая частенько ищет в толпе конкретно мигрантов для проверки документов. Но, с другой стороны, человек в калпаке олицетворяет собой самоуверенность: раз ходишь в своем — значит, у тебя точно все в порядке с регистрацией, посмеивается Азамат Адылгазиев.

Евгений Варшавер из РАНХиГС не исключает, что демонстративное ношение национальной одежды представителями других национальностей в России вполне может раздражать россиян, «но те, кто носит национальную символику, исходят не только из сантиментов местных».

«Люди так одеваются, чтобы представиться, и там, скорее всего, целый спектр идей: и рассказать о своей культуре, и где-то спровоцировать, и почувствовать себя значимым. И это более чем нормально, — резюмирует исследователь. — Это парадоксально, но именно в Москве кыргызы становятся кыргызами. Живя в деревне где-нибудь в Джалал-Абадской области, люди редко сталкиваются с ситуациями, в которых они могут вспомнить, что они кыргызы. Все вокруг одинаковое, и национальное не является способом продемонстрировать отличия. Попадая в Москву, людям надо вспомнить, кто они такие, и здесь происходит их становление в качестве кыргызов. И в этом смысле весь символический ряд, включая футболки и калпаки, помогает процессу этой идентификации».

Екатерина ИВАЩЕНКО —
специально для «Новой»

премьера

На экранах — лирическая драма о великом форварде Эдуарде Стрельцове

ПРО ЭДИКА СТРЕЛЬЦА, УДАЛОГО МОЛОДЦА

Спортивное кино — золотоносная жила российского кинематографа. Во всяком случае, так считают продюсеры, которые вслед за успешными «Легендой № 17» и «Движением вверх» шпарят фильмы про кумиров разных эпох. Недавно вышли фильмы про звезду фридайвинга Марину Гордееву, вратаря мечты Льва Яшина, раллисте Денисе Сазонове, гимнастке Светлане Хоркиной, борце Александре Карелине. На подходе истории про саблистку Александру Покровскую, шахматисте Анатолии Карпове.

Не кино — чемпионат России по воспеванию героев спорта. Зачем? А потому, что мы верим твердо, что в героев спорта государство готово вкладываться. Вот и «Стрельцов» поспел — крупнобюджетное кино стоимостью в несколько сот миллионов рублей.

Любопытно, что легендарный форвард появился едва ли не одномоментно в телевизоре и в кино. Первый канал, видимо, в пику каналу «Россия», участвовавшему в производстве игровой картины «Стрельцов», в канун кинопремьеры показал сериал, снятый пять лет назад и мариновавшийся до правильного момента. Долгоиграющее маринование фильмов и сериалов — любимый вид развлечений начальников Первого. Сериал вызвал кислые отзывы, обиду соратников выдающегося спортсмена. Но у футбольных болельщиков и зрителей остался шанс компенсировать неудачный опыт фильмом.

Однако и большой экран обнаружил нечто странное, расплывчатое, инфантильное.

«Стрельцов» Ильи Учителя — спортивная детская сказка (возрастное ограничение 6+ абсолютно уместно).

В роли чемпиона с наклеенным задорным чубом, разумеется, Александр Петров. Кто ж еще? Нет у нас других артистов, да к тому же Петров в юности играл в футбол. Он и сам был уверен, что получит эту роль, даже недоумевал: «Чего продюсеры раздумывают?»

Вместо трагической судьбы кумира миллионов, легендарного бомбардира звездной команды, достигшего мировой славы, все потерявшего во многом по собственной вине и после крушения вновь поднявшегося на чемпионский пьедестал, — история про веселого лихого парня с обезоруживающей солнечной улыбкой и талантливыми ногами (может 1000 мячей прочеканить за раз). Нет здесь раздираемого внутренними противоречиями крупного непредсказуемого характера. Вместо яркого человека — мощного на поле, слабого в жизни — нам явлен бесшабашный парень-рубаха, при этом практически святой. А загулы, передряги — только во имя радости, справедливости и мира во всем мире.

Но когда-то и в книге Александра Нилина «Стрельцов. Человек без локтей», и в воспоминаниях партнеров (к примеру, Валентина Иванова) был создан многомерный портрет футбольной звезды: «Он, как Антей у матери Земли, черпал неиссякаемую силу у поля и мяча. Но как только расставался с мячом и покидал поле, становился слаб и беззащитен перед превратностями и соблазнами, которые ставит жизнь на пути каждого известного спортсмена». Кстати, на Ваганьковском кладбище уникальному игроку сооружен знаковый памятник: две гранитные прямоугольные стелы сближаются друг с другом, их сдерживает и пытается прорваться вперед Стрельцов.

А. Петров в роли Стрельцова. Кадр из фильма

Но, видимо, авторы побоялись добавить светлому облику героя со звонким именем изъянов. На поезд в ГДР опоздал просто потому, что проспал. На злосчастной вечеринке, которая ему судьбу сломала, очутился, потому что «ребята с нашего двора» попросили. В тюрьму попал — потому что стал жертвой интриги гаденыша, начальника Спорткомитета (Александр Яценко), инсценировавшего изнасилование, ревнующего успешного соперника к комсомольской богине и — почище сватьи бабы Бабарихи — препятствующего движению вверх чемпиона.

Экранный удалой молодец — жертва опереточной каверзы с участием этого злодея и нехорошей искусительницы. У безгрешного, оклеветанного спортсмена есть сердобольная мать (Надежда Маркина). Есть любимая серьезная девушка Алла, в чем-то по-комсомольски эротичная, которая назубок знает все про принципы демократического централизма и про каждый орден молодежной организации — младшей сестры КПССС, слагает поэмы (Стася Милославская). Стрельцов любит только футбол и Аллу. И свою страну, которую не разменяет ни на какие гонорары.

По мнению авторов, их кино — романтическая версия фактов и событий. Действительно, много всего придумано, в том числе весьма остроумного, реальность сплавлена с сиропом грез. Например, дофантазированы товарищеский матч с Бразилией и дружеское рукопожатие двух Пеле: нашего и бразильского. Пеле с изумлением видит, насколько его русский противник популярен в СССР. Болельщики, требующие выхода запрещенного футболиста Стрельцова на поле, протестно жгущие газеты, действительно были. Правда, бразильцы тут ни при чем. В Горьком на матче с местной «Волгой», состоявшемся вскоре после выхода звездного спортсмена из лагеря, стадион начал скандировать: «Стрель-цо-ва! Стрель-цо-ва!», болельщики — угрожающе поджигать газеты, кое-где загорелись трибуны. Стрельцов тогда вышел, вопреки всем запретам, стадион встречал его стоя. Разумеется, у авторов есть право фантазировать свою историю, предлагать собственные версии и вариации, но верить им начинаешь, если есть правда характеров. Если на экране сложный, объемный герой без приклеенных романтических завитков.

Лучшие для спортивной карьеры годы Стрельцов провел на зоне. В фильме пять лет превратились в крошечный эпизод, из очередной передряги футболисту помог выбраться тренер. Но ведь пять лет он по-настоящему не играл, варганил себе мяч из телогреек, в тюрьме не было даже телевизоров, так что ни одного футбольного матча не видел, зато были кварцевые шахты, где он подхватил силикоз легких, а еще после жесточайшего избиения долго отходил в реанимации. В «Торпедо» вернулся после любительского футбола только в 1965-м совсем другим человеком. Он сумел стать чемпионом СССР и обладателем Кубка СССР, дважды (!) признавался лучшим футболистом СССР.

Актер Петров парирует упреки и претензии в том, что характер получился плоским, мол, их кино — развлекательное. Но зато новые поколения, для которых имя Стрельцова — пустое место, узнают наконец-то о гениальном футболисте. Как-то не верится, что после во многом архаичного фильма Стрельцов станет кумиром миллениалов.

Самое любопытное в этом кинофутболе — голы. Так как голов Стрельцова в хронике сохранилось крайне мало, режиссер Илья Учитель придумал подарить форварду самые знаменитые голы в истории футбола: от Марадоны до Зидана. И сняты голы отлично: камера буквально летит вслед мячу. Сами матчи придуманы и сняты невыразительно, а обилие терминов — диагональ, стеночка, навес, срезать оборону — не способствуют погружению в игру.

В общем, «Стрельцов» — это ностальгия по советской стране с двумя ее начальниками: злым Хрущевым и добрым Брежневым. Это еще одно сентиментальное ретро с девушками в пышных юбках, новомодным танцем рок-н-ролл, стилягами кафе «Московское небо» и фонтаном на ВДНХ.

Впрочем, ностальгируют авторы не столько по СССР, сколько по временам, когда в стране был футбол, по всеобщей «преданности единственной команде, без которой мне не жить», по взаимовыручке «в центре яростной борьбы», как в песнях Пахмутовой.

Драма отечественной истории воплощалась в судьбах великих спортсменов — Николая Старостина, Валерия Гусева, Льва Яшина и Эдуарда Стрельцова — в их взлетах, падениях, наградах, репрессиях и подчас посмертной славе или забвении. И драма эта еще ждет своих авторов.

В условиях нынешних мер и предписаний Роспотребнадзора для кинотеатров, у фильма немного шансов собрать большую кассу, хотя «Стрельцов», уже проданный в ряд стран, стал первой российской картиной в европейском прокате после длительного карантина. Следом за кинопоказом состоится премьера в телевизоре. А товарищи великого футболиста будут и дальше мечтать увидеть на экране судьбу великого футболиста без прикрас. Он этого достоин.

Лариса МАЛЮКОВА,
обозреватель «Новой»

ПРЕСС-СЛУЖБА «АРТЕКА»

Сотрудник «Артека» меряет температуру детям

ПРАВДУ И ТОЛЬКО ПРАВДУ

Вспышку коронавируса в «Артеке» хотят объявить фейком. Сотрудницу, рассказавшую о ней, — посадить. В лагере работает СК

Следователи в Крыму начали опрашивать педагогов и вожатых в Международном детском центре «Артек». Речь идет о вспышке коронавируса в лагере, «Новая» о ней недавно рассказывала.

Напомним, что педагоги артековской школы в первых числах сентября начали заболевать коронавирусной пневмонией. Руководитель международного отдела «Артека» Нина Лазарева, напуганная тем, что дирекция не принимает мер, чтоб защитить ее и коллег от инфекции, опубликовала в соцсетях видеоролик. Счет заболевшим педагогам, говорила она, скоро перевалит за второй десяток, при этом в общежитии, где все пользуются общими туалетами и душем, больше недели дожидается скорой учитель с высокой температурой. На следующий день после появления видео скорая увезла из лагеря саму Лазареву.

«Новой» рассказ Лазаревой подтвердили все сотрудники лагеря, с которыми удалось связаться. Учеба в артековской школе, говорили педагоги, воспитатели и вожатые, идет полным ходом, дирекция не закрывает лагерь на карантин, боясь «сорвать госзадание» — то есть принять меньше детей, чем оплатил бюджет. Руководство «Артека» в паблике «ВКонтакте» вывесило пост, где слова подчиненных опровергало, а Лазареву обвиняло в «распространении заведомо ложной информации в соцсетях» в отместку за увольнение. Из этого же поста почему-то следовало, что увольнения как раз не было.

Огласка, как рассказали «Новой» учителя, воспитатели и вожатые «Артека», привела к некоторым изменениям в ситуации. Во-первых, преподавателя биологии с коронавирусом все-таки госпитализировали, как и других заболевших и контактных. Во-вторых, в лагерь приехали с проверкой сотрудники прокуратуры и Роспотребнадзора. В-третьих, за выход из чистой зоны лагеря (той, где собирают «совершенно точно не контактных», как уверено руководство) дирекция начала, по словам одного из вожатых, штрафовать.

Самая печальная перемена — Нину Лазареву, которой собственное здоровье почему-то оказалось дороже, чем реноме начальства, теперь не просто уволят. Управление СК по Крыму начало в «Артеке» доследственную проверку с прицелом на возбуждение уголовного дела. Лазаревой хотят вменить статью 207 УК РФ о публичном распространении заведомо ложной информации, ей может грозить наказание от штрафа в 300 тысяч рублей до трех лет колонии. Прозорливая дирекция «Артека», видимо, знала об этом даже раньше следствия, потому что в пресловутом посте ВКонтакте была фраза — почти цитата из УК.

Со вторника, 22 сентября, рассказали «Новой» сотрудники «Артека», на территории лагеря СК проводит опросы. Представители дирекции настойчиво рекомендуют подчиненным говорить правду и только правду: Лазарева все врет.

Во-первых, никто не болел, а во-вторых, всех заболевших госпитализировали согласно инструкциям. Страх потерять работу не всех заставил подчиниться: кто-то просто не стал давать показаний, сославшись на 51-ю статью Конституции, кто-то фактически подтвердил слова Лазаревой. Но были, конечно, и те, говорят их коллеги, кто чутко прислушался к руководству.

В распоряжении «Новой» есть постановление Роспотребнадзора, на основании которого Нину Лазареву поместили в обсерватор как «контактное лицо с заболевшим новой коронавирусной инфекцией». Видимо, этот документ должен как-то подтвердить «заведомую недостоверность» слов скандалистки. В нем сказано, будто бы она контактировала с больным один раз — 9 сентября в помещении школы, а теперь, когда у того диагноз подтвержден, ее надо изолировать.

В школе, говорит Лазарева, она как раз не была. Ее иностранный отдел работает географически совершенно в другом месте. О том, что и она, и другие обитатели общежития не просто разок поконтактировали с больным, а на протяжении девяти дней (до 18 сентября) пользовались одной сантехникой, в документе нет ни слова. Период изоляции там предусмотрительно ограничен 23-м числом — как раз две недели с момента якобы единичного контакта. На самом деле Нина остается в обсерваторе до сих пор. Потому что все — и руководство «Артека», и главный санврач Крыма и Севастополя, подписавшая постановление, — всё прекрасно знают, как знают и то, что дело не в «заведомо ложной информации».

Учитель биологии, который фигурировал в рассказе Лазаревой, до сих пор лечится в стационаре. «Новая» связалась с ним, и в первом разговоре он открыто подтвердил слова соседки, касавшиеся его непосредственно: да, лежал с температурой неделю, да, общие туалет и душевые. При этом, добавил биолог, он все-таки договорился с соседями, какими предметами станет пользоваться только он. Хотя, конечно, коллеги имели все основания бояться. Через десять минут после разговора биолог перезвонил и вдруг потребовал не публиковать его имени и фамилии. Мол, работу он потерять не боится нисколько, но так ему «посоветовал юрист». Выполняем просьбу храброго учителя биологии из артековского общежития «Кедр». Жаль, а мог ведь помочь коллеге не сесть на три года.

За прошедшие десять дней, а может, в связи с тем, что Роспотребнадзор и прокуратура все это время работали в «Артеке», кое-что поменялось в показаниях самой дирекции. В релизе десятидневной давности они говорили о трех заболевших. Теперь, как рассказал «Новой» один из вожатых, поменяли показания и называют число 13. Не упоминая о том, что семь человек за сентябрь успели выздороветь. Если просуммировать, получится ровно то, о чем «заведомо ложно» говорила Лазарева.

Самая позитивная перемена в «Артеке» с момента публикации в «Новой» — школу все-таки переведут на дистант. По одним данным — только новеньких, приехавших на смену 27 сентября. Дети, которые учатся в «Артеке» постоянно, продолжат ездить на уроки. По другим данным, удаленно учиться будут все. Что из этого соответствует действительности, как это можно организовать технологически (приехавшие артековцы будут сидеть в зуме по палатам?), «Новой» в лагере не захотели рассказать: предложили составить письменный запрос, на который ответят «в установленный законом срок».

Ирина ТУМАКОВА

СКВОЗНЯК ИЗ 90-х

В Петербурге обвиняемых в нападении на полицейских приговорили к тюремному заключению от 20 до 22 лет

Городской суд на основании вердикта присяжных признал Аркадия Нусимовича, Геннадия Левинского и Алексея Геворкяна виновными по делу о вооруженном нападении на полицейских и хищении 24 миллионов рублей. Об этом сообщает пресс-служба городских судов.

Нусимовича и Левинского приговорили к 22 годам колонии, Геворкяна — к 20 годам.

По версии следствия, 4 декабря 2015 года они заранее вооружились и напали на полицейскую машину на перекрестке проспекта Маршака и Муринской улицы. В результате стрельбы сотрудник полиции погиб на месте. Нападавшие подожгли машину и забрали из нее 24 миллиона рублей, которые полицейские везли на стройплощадку для оплаты труда мигрантов.

Нусимовича, Левинского и Геворкяна обвинили в создании группировки, разбое, убийстве общеопасным способом, совершенным группой из корыстных побуждений, а также в незаконном хранении оружия, неправомерном завладении номером машины и подделке номера машины.

Сначала Левинский и Геворкян вину признавали, но затем сослались на психологическое и физическое давление со стороны следствия и изменили свои показания.

В январе 2019 года присяжные оправдали обвиняемых по шести статьям, признав их непричастными к преступлениям. Суд мотивировал это многочисленными нарушениями уголовно-процессуального законодательства и отметил, что защитники обвиняемых говорили о принуждении к даче показаний со стороны следователей и оперативников. Нусимович признался, что хранил дома несколько патронов, и получил наказание в виде подписки о невыезде. Геворкян и Левинский были также выпущены из-под стражи.

Однако позже Верховный суд отменил приговор и отправил дело на новое рассмотрение, которое завершилось в июле 2020 года. На этот раз присяжные признали подсудимых виновными в убийстве полицейских и грабеже. Со второго раза прокуратуре удалось доказать народным судьям причастность к преступлению троих обвиняемых.

Соб. инф.

Борис ВИШНЕВСКИЙ, обозреватель «Новой»

РИА Новости

ВТОРАЯ ГОЛОВА ДРАКОНА

Сможет ли «Умное голосование» поумнеть?

Выборы, прошедшие 13 сентября, вызвали новую дискуссию об «умном голосовании» — технологии, предлагающей оппозиционно настроенным избирателям голосовать за того, у кого больше шансов выиграть у кандидата от «Единой России», независимо от его политических взглядов.

Организаторы и сторонники «УГ» считают, что необходимо добиться смены как можно большего числа депутатов от «Единой России» на других. Что именно таким путем в условиях нечестных выборов можно нанести максимальный ущерб власти, «ломая» ее планы. И собираются всячески распространять эту технологию.

Однако избрание при поддержке «УГ» целого ряда весьма специфических персонажей заставляет задуматься над тем, какое голосование действительно было бы «умным» — как с точки зрения достижения заявленных целей, так и с точки зрения правильности самих этих целей.

ПЕРВЫЙ ВОПРОС: в каком случае смена депутатов от «Единой России» на других наносит власти ущерб? Не конкретным депутатам, оставшимся без мандатов, статуса и влияния, а власти как таковой?

ОТВЕТ: если другие депутаты будут проводить **другую политику**. Иначе фамилии и фракции сменятся, а принимаемые решения — нет.

«Умной» целью является не смена исполнителей, а изменение результата. Не смена проектировщиков, а изменение проекта.

И «умным» поведением будет поддерживать именно таких кандидатов, которые будут проводить другую политику. И добиваться их избрания.

ВТОРОЙ ВОПРОС: как отобрать таких кандидатов?

ОТВЕТ: анализируется весь набор допущенных кандидатов. Изучаются (в век интернета и социальных сетей это несложно, а если информации нет — это тоже показатель) их биографии, поступки и мнения, позволяющие предсказать их дальнейшее поведение. Выбираются те, кто, став депутатом, будет проводить политику, альтернативную той, которую проводит власть. И уже из этого набора отбирается тот, кто имеет наибольшие шансы победить.

Может получиться так, что никого подходящего отобрать не удается?

Может. В таком случае не стоит менять шило на мыло: надо зачеркивать всех.

«Умное голосование», как известно, построено на другом принципе: «лишь бы победить кандидата от «Единой России».

ТРЕТИЙ ВОПРОС: в каком случае эта победа приведет к изменению политики?

ОТВЕТ: только в том случае, если у властного дракона есть только одна «голова», которую надо срубить.

Только в том случае, если проводниками политики нынешней власти (точнее, политики Путина) являются только депутаты от «ЕР». А все остальные представляют альтернативы этой политике.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВОПРОС: оправдывается ли эта гипотеза на практике?

ОТВЕТ: нет, потому что у властного «дракона» не одна голова, а много.

Посмотрите на Государственную думу, где «ЕР», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» неотличимы по ключевым политическим вопросам до степени смешения.

Они все голосуют за Крым и войну на Украине и Сирии, за «закон подлецов» и закон об «НКО — иностранных агентах», за ужесточение наказания за «несанкционированные митинги» и за путинские поправки к Конституции. Они все за «державность» и против «оранжевой заразы», они все поддерживают «антисанкции» и требуют наказывать за «фальсификации истории». Список можно продолжать.

Встречаются ли в их рядах исключения? Крайне редко. И только подтверждают правило, поскольку быстро изгоняются (отец и сын Гудковы, Пономарев, Мархаев).

Все эти партии — это партии Путина. Как бы они ни назывались.

И за пределами Думы большинство — это партии Путина. «Родина», называющая себя «путинским спецназом», «Партия роста», возглавляемая путинским чиновником, партия «За правду», во главе которой писатель-боевик, воевавший с Украиной, «Гражданская платформа», организовывавшая марш «Антимайдан», и прочие «партии социальной справедливости», «партии пенсионеров» и «Новые люди».

Реально же оппозиционные партии и движения (в том числе незарегистрированные) можно пересчитать по пальцам. «Яблоко», «Партия народной свободы», «Объединенные демократы», «Открытая Россия», «Партия перемен», либертарианцы — кто еще?

Но «УГ» — это отбор только по одному критерию (вероятности победы).

Вот поэтому оно во многих случаях и не срабатывает. Не приводит к изменению политики: какую из голов «дракона» ни выбрать главной — поведение не изменится.

Кстати, что делать, если выбранные по критерию «самый проходной после единоросса» кандидаты оказываются такими, как Ростислав Антонов в Новосибирске?

Националист и путинист, ярый сторонник «присоединения Крыма», соратник небезызвестного Гиркина-Стрелкова, набиравший «добровольцев» воевать на востоке Украины, собиравший подписи за увековечение памяти террориста Моторолы, поддерживавший отправку российских военных в Сирию, называвший «червями» тех, кто приносит цветы на Немцов мост, и публично поносивший Алексея Навального.

Все равно поддерживать, уверяют организаторы «УГ» устами одного из его главных идеологов Леонида Волкова. Мол, надо поддержать любое исчадье ада — лишь бы единоросс не прошел.

Как говорил тот же Волков перед выборами Мосгордумы в 2019 году, «в списках «УГ» будет пара приличных людей, но в основном — сброд». Или, как говорил Сергей Бойко (координатор штаба Навального в Новосибирске, ставший депутатом горсовета), «хороших людей в списках нет». И вообще, «умное голосование» — это не про приятных людей, а про ущерб «ЕР» (одно из любимых выражений его сторонников)...

Что называется, есть вопросы и сомнения.

Во-первых, как быть, если самые большие шансы победить единоросса имеет фашист? Поддержать фашиста? Зажав нос и заткнув уши?

А во-вторых, ради чего? Разве поддержка таких, как Антонов (в округе которого не было кандидата-единоросса, но был кандидат от «Яблока»), «наносит ущерб» единороссам? Да ни в чем: по всем ключевым политическим позициям он является их естественным союзником. И естественным противником немногих демократических политиков, избранных в Новосибирске в результате «умного голосования». Кстати, там же один из поддержанных «УГ» депутатов горсовета немедленно вступил во фракцию единороссов, которые сохранили большинство.

Похожая история — в Тамбове: «УГ» поддержало на выборах городской думы шестнадцать будущих депутатов от партии «Родина», которая, как уже сказано, называет себя «спецназом Путина». Лидер этой партии депутат Госдумы Алексей Журавлев — один из самых одиозных путинистов в парламенте. Только что, выступая в пропагандистском шоу Скабеевой, он уверял, что в Дании существует бордель для зоофилов, где можно переспать с черепахами. Его партия теперь в Тамбове в большинстве. На какие позитивные изменения там можно рассчитывать?

В городскую думу Ижевска «умно» избраны три депутата от КПРФ, один «жириновец» и один самовыдвиженец, ранее входивший во фракцию КПРФ. Один из коммунистических депутатов — Алексей Хлебников — поддерживал путинские поправки к Конституции, другой — Сергей Тарасов — ранее регистрировался на праймериз в «Единой России» и лишь после этого выдвинулся от коммунистов. Надо ли питать здесь надежды на изменение политики? Вряд ли.

Да, можно действовать по принципу «Они не допустили к выборам никого из приличных — но мы поломаем их планы: призовем поддержать не того из неприличных, кого они хотят провести».

Но чего, кроме морального удовлетворения организаторов и морального неудовлетворения «непрошедших» кандидатов от власти, это помогает добиться?

Рекомендации избирателям — как поступать на выборах и кого поддержать— используются всегда. Почти каждый идущий на выборы (автор, прошедший десятки кампаний, не исключение) старается ими запастись: собрать рекомендации от уважаемых людей, которым доверяет избиратель.

Это поручительство за кандидата: рекомендующий выполняет функцию доверенного лица. Ручается за кандидата своей репутацией. Понимая, что потом за того, кого он рекомендовал, он несет ответственность.

«УГ» — в первую очередь в силу общественных симпатий к деятельности Алексея Навального — сегодня является влиятельным инструментом на выборах. И отвечает за тех, кого поддерживает.

А сегодня мы видим, что между ними нет никакой связи. Причем с обеих сторон. И «УГ» не отвечает за тех, кого поддержало, и в том же Новосибирске большинство избранных при поддержке «УГ» депутатов сразу же заявили, что никаких обязанностей перед его организаторами не имеют: поддержали? Спасибо, до свидания.

Говорить надо не только о цене победы. Но и о том, чья это победа. Понимая, что власть не является «одноголовой» и умеет выставлять отряды в разных мундирах.

Значит, нужна серьезная коррекция принципов «умного голосования».

ПЕРВОЕ: прозрачные и понятные процедуры отбора кандидатов. С представлением обоснований и данных соцопросов. Не должно быть такого, чтобы гражданам предлагали не рассуждать, а слепо верить, что именно те, чьи фамилии ему прислали с сайта «УГ», и есть самые сильные соперники единороссов, которых надо поддержать.

ВТОРОЕ: включение «этического» фильтра, не допускающего поддержки откровенно антидемократических кандидатов: путинистов, националистов, сталинистов, имперцев, сторонников войны.

И ТРЕТЬЕ: поддержка тех, кто будет представлять альтернативу власти, а не просто носить мундир другого цвета.

Иначе так и будем засаживать огород борщевиком, чтобы избавиться от сорняков.

> ГОВОРИТЬ НАДО НЕ ТОЛЬКО О ЦЕНЕ ПОБЕДЫ, НО И О ТОМ, ЧЬЯ ЭТО ПОБЕДА. ПОНИМАЯ, ЧТО ВЛАСТЬ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ «ОДНОГОЛОВОЙ» И УМЕЕТ ВЫСТАВЛЯТЬ ОТРЯДЫ В РАЗНЫХ МУНДИРАХ

ЗАБОР — НЕ ЛУЧШЕЕ МЕСТО

Но лучшего для мемориала погибшим медикам губернатор Петербурга так и не нашел

На Малой Садовой должны демонтировать строительный забор, на котором с 27 апреля размещается Стена памяти врачей, погибших от COVID-19. Это значит — стену тоже придется убрать. В противном случае угроза нависнет над жизнью тех, кто будет приходить сюда. Губернатор Александр Беглов еще в конце июня заверял, что к моменту сноса лесов на реставрируемом сейчас Доме радио решит вопрос о создании вместо стихийного народного мемориала безвременно ушедшим медработникам постоянного. На деле градоначальник спохватился в последний момент и до сих пор не предложил достойной альтернативы

С 27 апреля Стена памяти выросла в десять раз: в день ее создания здесь было всего девять табличек с фотографиями и именами врачей, погибших от коронавируса, сегодня уже 90. В понедельник повесят еще пять.

Строители изначально предупреждали Ирину Маслову и Галину Артеменко, создателей и хранительниц мемориала, что планируют завершить реставрационные работы на Малой Садовой к концу года, поэтому портреты погибших врачей со строительного забора перед его демонтажом придется снять. Когда возник вопрос о постоянном мемориале, депутат городского Заксобрания Борис Вишневский обратился к губернатору, предложив возможные места размещения будущего памятника. Александр Беглов пообещал рассмотреть инициативу.

23 сентября представители строительной организации сообщили, что начинают демонтаж лесов через два дня.

«Поскольку ни разу за пять месяцев никто из чиновников — ни губернатор, ни вице-губернаторы, ни председатель городского комитета по здравоохранению Дмитрий Лисовец — не пришли к Стене памяти, не увидели ее, не предприняли ни одной попытки поговорить с нами, обсудить судьбу мемориала, мы поняли, что рассчитывать не на что, стену придется убрать», — говорит Галина Артеменко.

Убирать фотографии решили в 15 часов 25 сентября. А накануне в 23.18 пресс-служба губернатора распространила сообщение: «Стихийный мемориал на Малой Садовой улице не будет демонтирован, пока не будут установлены памятные доски в учреждениях, где работали погибшие медики. Об этом Александр Беглов заявил в прямом эфире телепрограммы «Петербург. Новый взгляд». Как отметил губернатор: «Забор — не лучшее место для размещения фотографий медицинских работников, которые погибли в борьбе с коронавирусом. Но это место выбрали жители. Это знак уважения врачам, воля народа. Надо к ней относиться с уважением. Убрать фотографии неправильно. Власть должна создать условия, увековечить память. Пока не предложим альтернативу, убирать забор преждевременно».

По замыслу губернатора, до демонтажа строительного забора в каждом петербургском медучреждении, понесшем потери во время пандемии, требуется установить мемориальные доски в память о тех, кто спасал людей от COVID-19, а в городе — памятник медработникам, погибшим от коронавируса. «Поддержку в создании мемориала готов оказать бизнес. Будем сотрудничать и найдем место для установки», — подчеркнул губернатор.

Обнадеживающее заявление Беглова никак не соотносилось с планами больниц: многие из них до сих пор даже не признают своих умерших от ковида врачей заразившимися им на работе и пострадавшими при выполнении служебного долга. Какие уж тут памятные знаки! А губернатор, решив, что строители подождут с демонтажом забора, вышел за рамки своей компетенции. У строительной организации ООО «Стройдекор», ведущей работы на Малой Садовой, свой согласованный график работ, свой заказчик — АО «Телерадиокомпания «Петербург» и свой куратор — КГИОП.

> «МЕСТО ВЫБРАЛИ ЖИТЕЛИ. ЭТО ЗНАК УВАЖЕНИЯ ВРАЧАМ, ВОЛЯ НАРОДА. НАДО К НЕЙ ОТНОСИТЬСЯ С УВАЖЕНИЕМ»
> **Александр Беглов**

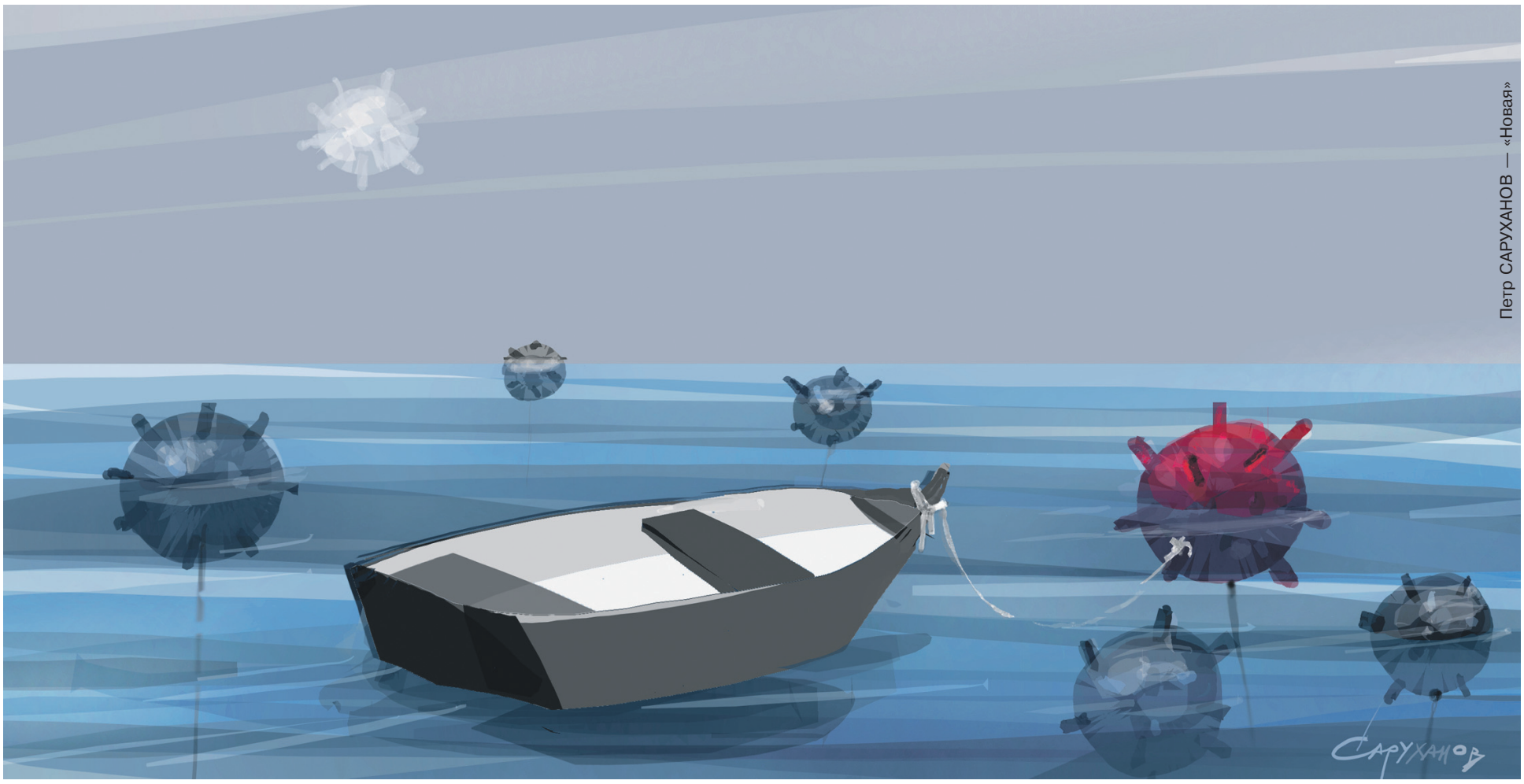
25 сентября Борис Вишневский связался с представителями компании-подрядчика. Те подтвердили, что с 26 сентября поэтапно, начиная с верхних этажей, будут снимать строительные леса и целиком завершат этот процесс к декабрю. Затем депутат побеседовал с вице-губернатором Александром Бельским, заверившим, что демонтаж конструкций у Дома радио будет вестись очень осторожно и аккуратно, народный мемориал не заденут. Как и обещал губернатор, он останется на месте, пока не появятся мемориальные доски в медицинских учреждениях.

Положившись на губернаторское слово, Стену памяти медикам ее создатели пока решили не трогать. Но теперь тем, кто вздумает прийти на Малую Садовую, следует соблюдать осторожность.

Независимо от того, когда и как решится (или не решится) вопрос с установкой постоянного памятника врачам, погибшим от ковида, памятное место в первозданном виде не сохранится. Поэтому Маслова и Артеменко надеются передать все материалы — фотографии, таблички, а также футболки с именами врачей, в которых выходили на поле футболисты «Зенита», — на вечное хранение в Музей политической истории. Тот готов принять этот дар после необходимых формальностей.

Научный сотрудник Музея политической истории Александр Гребенкин сейчас готовится аргументированно представить все экспонаты фондовой комиссии музея, чтобы доказать, что они имеют историческую ценность. Если комиссия официально признает фотографии и другие материалы памятником истории России — а шансы на это велики, — то уже скоро они станут полноценными музейными экспонатами.

Нина ПЕТЛЯНОВА,
Фото **Елены ЛУКЬЯНОВОЙ**



ВТОРАЯ ВОЛНА

Дмитрий БЫКОВ

Не ждали подарка? Конечно, тоска.
Опять «Коммунарка», опять пропуска…

И мы по жилищам
Пройдем с фонарем,
И тоще поищем,
И тоже умрем.
Б. Пастернак, 1936

Вас вирус пугает?
Утешься, страна.
Всегда набегает
Вторая волна.

Пожиже ли дымом,
Пониже трубой...
Ушел невредимым —
Она за тобой.

Ты скажешь «Однако» —
Но даже в кино
В финале маньяка
Убить мудрено.

Качнулся и вскрикнул,
Но вылез опять...
Ведь нужен же сиквел!
А лучше бы пять.

Не ждали подарка?
Конечно, тоска.
Опять «Коммунарка»,
Опять пропуска,

А в вузе и школе
Опять карантин —
И много до боли
Привычных картин.

...Пугать вас не буду:
Вторая волна —
Во всем и повсюду,
Во все времена.

Привычны повторы
Российской судьбе?
На месте Конторы
У нас ФСБ,

Последыш Малютин,
Эрзац-сатана...
По сути, и Путин —
Вторая волна.

Отчизна упряма,
Прием ее стар-с —
Сначала как драма,
А после как фарс,

Потом обсужденье
С уходом в реал,
А там — вырожденье.
Точней, сериал.

Не верьте разгрому,
Не бойтесь клешней.
По разу второму —
Тошней и скушней.

На месте сатрапа —
Раздувшийся ноль,
На должности РАППа —
Пригожинский тролль,

И все — юберменши
С повадкой князей,
Настолько же меньше,
Насколько мерзей.

...Меня поместили
В такую волну.
Я плаваю в стиле
«Вот-вот утону».

Последние брызги
Кровавой волны —
Мы в вечном раздрызге,
И этим больны.

Когда ж, замирая,
Осядет волна —
Приходит вторая.
*Она из...**

**Последняя строка рукописи чем-то забрызгана.*

Редакторы номера:
И. Гордиенко, А. Полухин

www.novayagazeta.spb.ru www.novayagazeta.ru

Наш адрес в интернете:
NovayaGazeta.Ru

РЕДАКЦИЯ

Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)
Сергей КОЖЕУРОВ (директор)

Редакционная коллегия и руководители направлений:
Ольга БОБРОВА (зам главного редактора),
Павел ГУТИОНТОВ (истфак «Новой»),
Александра ДЖОРДЖЕВИЧ (отдел расследований),
Руслан ДУБОВ (ответственный секретарь),
Андрей ЗАЯКИН (дата-отдел),
Александр ЛЕБЕДЕВ (зам главного редактора),
Андрей ЛИПСКИЙ (зам главного редактора),
Лариса МАЛЮКОВА(обозреватель),
Кирилл МАРТЫНОВ (зам главного редактора),
Юлия МИНЕЕВА (редактор службы новостей),
Константин ПОЛЕСКОВ (шеф-редактор WEB-редакции),
Алексей ПОЛУХИН (зам главного редактора),
Надежда ПРУСЕНКОВА (пресс-служба),
Георгий РОЗИНСКИЙ (зам главного редактора),
Юрий РОСТ (обозреватель),
Петр САРУХАНОВ (главный художник),
Сергей СОКОЛОВ (зам главного редактора),
Ольга ТИМОФЕЕВА (редактор отдела культуры),
Виталий ЯРОШЕВСКИЙ (зам главного редактора)

Обозреватели и специальные корреспонденты:
Илья АЗАР, Юрий БАТУРИН,
Борис БРОНШТЕЙН, Дмитрий БЫКОВ,
Борис ВИШНЕВСКИЙ, Александр ГЕНИС,
Ирина ГОРДИЕНКО, Елена ДЬЯКОВА,
Вячеслав ИЗМАЙЛОВ,
Павел КАНЫГИН, Денис КОРОТКОВ,
Елена КОСТЮЧЕНКО, Алиса КУСТИКОВА,
Юлия ЛАТЫНИНА, Елена МИЛАШИНА,
Владимир МОЗГОВОЙ,
Галина МУРСАЛИЕВА, Ирек МУРТАЗИН,
Леонид НИКИТИНСКИЙ,
Ирина ПЕТРОВСКАЯ,
Алексей ПОЛИКОВСКИЙ,
Вячеслав ПОЛОВИНКО, Юлия ПОЛУХИНА,
Елена РАЧЕВА, Ким СМИРНОВ,
Алексей ТАРАСОВ, Слава ТАРОЩИНА,
Марина ТОКАРЕВА, Ирина ТУМАКОВА,
Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР,
Арнольд ХАЧАТУРОВ,
Вера ЧЕЛИЩЕВА, Наталья ЧЕРНОВА,
Ян ШЕНКМАН

Отдел мультимедиа «Новая студия»:
Анна АРТЕМЬЕВА,
Влад ДОКШИН,
Виктория ОДИССОНОВА

Собственные корреспонденты:
Надежда АНДРЕЕВА (Саратов),
Татьяна БРИЦКАЯ(Мурманск),
Мария ЕПИФАНОВА (страны Балтии и Северной Европы), **Иван ЖИЛИН** (Урал),
Сергей ЗОЛОВКИН (Гамбург),
Александр МИНЕЕВ (Брюссель),
Ольга МУСАФИРОВА (Киев),
Александр ПАНОВ (Вашингтон),
Нина ПЕТЛЯНОВА(Санкт-Петербург),
Юрий САФРОНОВ (Париж),
Ирина ХАЛИП (Минск),

Группа выпуска:
Анна ЖАВОРОНКОВА, Алексей КОМАРОВ,
Татьяна ПЛОТНИКОВА (бильд-редакторы),
Диана ГРИГОРЬЕВА, Оксана МИСИРОВА,
Надежда ХРАПОВА, Вероника ЦОЦКО
(технические редакторы)

WEB-редакция:
Екатерина БАТАЛОВА,
Антон ВШИВЦЕВ, Мария ЕФИМОВА,
Юлия МИНЕЕВА (заместитель шеф-редактора),
Глеб ЛИМАНСКИЙ,
Александра НОВИКОВА,
Анастасия ТОРОП

ДИРЕКЦИЯ

Алексей ПОЛУХИН
(генеральный директор ЗАО «ИД «Новая газета»),
Владимир ГРИБКОВ
(заместитель генерального директора),
Владимир ВАНЯЙКИН
(управление делами),
Ирина ДРАНКОВА,
Елена СЕДОВА
(бухгалтерия),
Наталия ЗЫКОВА
(персонал),
Анжелика ПОЛЯКОВА
(реклама),
Ярослав КОЖЕУРОВ,
Галина КАРАЛАШ,
Екатерина СЕДОВА
(юридическая служба),
Валерий ШИРЯЕВ
(заместитель директора)

Пресс-служба:
Надежда ПРУСЕНКОВА

РЕДАКЦИЯ НОВОЙ ГАЗЕТЫ В СПБ

Учредитель и издатель: **ООО «МЕДИА.С-Пб»**
СПб., 11-я линия, 66
Главный редактор: **Д. Л. КАЧАЛОВА**

Адрес редакции и издателя:199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».

Наша группа ВКонтакте: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:
ПР633

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 78-01130 от 18 мая 2012 г.

Общий тираж — **222 250 экз.**

Тираж сертифицирован
Novayagazeta.Ru — **21 800 000** просмотров за август 2020 г.

Тираж одного номера в СПб — **2460 экз.**

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.

Учредитель и издатель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета». Редакция: АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2020 г.
Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное

Заказ №28. Типография ООО «Фирма «КУРЬЕР», СПб, Благодатная ул., 63.
Срок подписания в печать по графику: 19.30, 26.09.2020 г.
Номер подписан: 19.30, 26.09.2020 г. Время подписания номера в печать в СПб: 23:00. 27.09.2020. Уважаемые читатели! Просим всю корреспонденцию присылать по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».